

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 22

1985

Анатолий МЕДНИКОВ

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

ЗЕЕЛОВСКИЕ ВЫСОТЫ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 22

Анатолий МЕДНИКОВ

ЗЕЕЛОВСКИЕ ВЫСОТЫ

О Ч Е Р К И

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1985

Анатолий МЕДНИКОВ

Анатолий Михайлович Медников родился в городе Днепрпетровске в 1918 году в семье рабочего — печатника. Учился в Военно-инженерной Академии имени В. Куйбышева, затем в Литературном институте имени А. М. Горького.

Великую Отечественную войну начал в Москве солдатом Истребительного батальона, был затем полковым разведчиком на Западном фронте, сапером, получил два тяжелых ранения. В конце войны — он военный радиожурналист и в этом качестве принимал участие в боях за Берлин, вел важнейшие радиозаписи в ходе Берлинского сражения, в том числе и историческую запись заседания по капитуляции фашистской Германии в Карлсхорсте в ночь с 8-го на 9-е мая 1945 года.

Первая книга Анатолия Медникова вышла в 1949 году. Затем увидело свет более тридцати романов, повестей, документальных повествований, очерковых и публицистических сборников, а также много публикаций в литературно-художественных журналах и газетах.

В 1983 году вышел двухтомник «Избранных произведений» в издательстве «Художественная литература».

Автор — лауреат двух литературных премий: Союза писателей СССР — за художественную публицистику и премии ВЦСПС и Союза писателей СССР — за роман «Время строить».

Многие книги А. Медникова переведены на другие языки за рубежом.

ЗЕЕЛОВСКИЕ ВЫСОТЫ

Зееловские высоты я посетил по совету моих берлинских друзей-строителей.

Шестьдесят километров от Берлина прямо на восток к Одеру! В сорок пятом в апреле это была дорога огня и крови, жестоких боев и великих жертв. 16 апреля, начав наступление с заодерских плацдармов, наши армии подошли к окраинам Берлина на шестой день — двадцать первого. Сейчас мы потратили на этот путь около часа.

Был субботний день, на дороге немного машин и автобусов. Обращало на себя внимание по-немецки аккуратное обустройство дорожного полотна регулирующими движение знаками. Я нигде не видел столько жирных белых полос и стрелок на темном асфальте шоссе! Когда дорога шла лесом или парком, деревья на обочинах как бы выстраивались в ровную шеренгу, и каждое белело высоким чулком специальной обмазки.

Городок Зеелов остается на левом фланге холмов, поднявшихся километрах в шести от Одера. Это и есть «высоты», которым суждено было войти памятной страницей в историю Берлинской битвы.

Мемориальный комплекс, посвященный этому сражению, находится, пользуясь языком военных терминов, «на обратном скате одной из высот». Он расположен на двух террасах и открывается выставкой оружия времен войны. На гладкой, выстеленной белыми плитами площадке стоят танк Т-34, знаменитая наша «тридцатьчетверка», наводившая страх на фашистских солдат, 152-мм гаубица и 76-мм пушка — из числа тех, что хорошо поработали на Зееловских высотах, а сейчас стали музейными экспонатами.

Оружие с годами стареет, но не меркнет его боевая слава. А то, что свет Победы долго сияет на металле танков и пушек, можно увидеть на этой площадке, если подойти к многочисленным экскурсантам из Берлина, Зеелова, Франкфурта-на-Одере и других городов.

Взрослые уважительно поглядывают на старое, но грозное оружие, дети же весело играют около гусениц танка и лафетов орудий. Я видел, как белокурый немецкий мальчик влез на башню танка,

оттуда взобрался на ствол пушки и, совершенно счастливый, был заснят там на пленку фотоаппарата проходившим мимо советским солдатом. Надо ли комментировать эту сценку?!

От площадки, где стоят пушки, каменная лестница ведет к «Блиндажу Жукова». Это музейное здание выстроено на том месте, где когда-то стоял блиндаж командующего фронтом. И часть бревен наката, сохранившихся с той поры, составляет теперь стены продолговатого здания, с тремя узкими щелями-окнами, похожими на амбразуры дота. Блиндаж — живая память о днях, пожалуй, самых жесточенных боев за время всей Берлинской операции.

Сам Г. К. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления» так вспоминает о первых часах штурма Зееловских высот:

«...Ровно за три минуты до начала артподготовки все мы вышли из землянки и заняли свои места на наблюдательном пункте, который с особым старанием был подготовлен начальником инженерных войск армии.

Отсюда днем просматривалась вся приодерская местность. Сейчас здесь стоял предутренний туман. Я взглянул на часы: было ровно пять утра.

И тотчас от залпа многих тысяч орудий, минометов и наших легендарных «катюш» ярко озарилась вся местность, а вслед за этим раздался потрясающей силы грохот разрывов мин, снарядов и авиационных бомб. В воздухе нарастал гул бомбардировщиков...

...В небо взвились тысячи разноцветных ракет. По этому сигналу вспыхнули 140 прожекторов, расположенных через каждые 200 метров. Более 100 миллиардов свечей освещали поле боя, ослепляя противника и выхватывая из темноты объекты атаки для наших танков и пехоты. Это была картина огромной впечатляющей силы, и, пожалуй, за всю свою жизнь я не помню подобного ощущения...

Артиллерия еще больше усилила огонь, пехота и танки дружно бросились вперед, их атака сопровождалась двухслойным мощным огнем валом. К рассвету наши войска преодолели первую позицию и начали атаку второй позиции...

...Утром 16 апреля на всех участках фронта войска успешно продвигались вперед. Однако противник, придя в себя, начал оказывать противодействие со стороны Зееловских высот своей артиллерией, минометами, а со стороны Берлина появились группы бомбардировщиков. И чем дальше продвигались наши войска к Зееловским высотам, тем сильнее нарастало сопротивление врага.

Этот естественный рубеж господствовал над всей окружающей местностью, имел крутые скаты и являлся во всех отношениях серьезным препятствием на пути к Берлину. Сплошной стеной стоял он перед нашими войсками, закрыв собою плато, на котором должно было развернуться генеральное сражение на ближних подступах к Берлину.

...Для противника отстаивание этого важнейшего рубежа имело еще и моральное значение. Ведь за ним лежал Берлин! Гитлеровская пропаганда всячески подчеркивала решающее значение и непреодолимость Зееловских высот, называя их то «замком Берлина», то «непреодолимой крепостью»...

«Крепость» пала, а как это произошло, можно увидеть сейчас на картах и экспонатах музея-«блиндажа Жукова», в кадрах кинофильма о взятии Берлина, который несколько раз в день демонстрируется в домике, расположенном рядом с выставкой оружия.

Кинокадры и экспонаты музея дополняют друг друга. Я долго стоял около прекрасно выполненной диорамы ночного боя 16 апреля. Тут же огромная, смонтированная на столе оперативная карта — схема сражения, фотографии, снимки членов Военного совета фронта и командующих армиями, приказы Жукова тех дней, перечень фамилий наших воинов, удостоенных звания Героя Советского Союза именно за эти бои.

Фамилии написаны по-русски, и многие посетители читают, шевеля губами и складывая слоги, с ошибками, но все же разборчиво произнося вслух фамилии: Алексеев, Авакян, Богомолов, Вайнруб и много, много других.

На бревенчатых стенах памятные плакаты тех лет. Солдат держит в руках огромный «ключ от Берлина». А под ним «изречение из Геббельса»: «Все возможно в этой войне, но только не то, что мы можем когда-либо капитулировать!» Ответом на эту самонадеянную болтовню, на этот дутый пафос обреченных — яркие слова плаката, отпечатанного, видно, где-нибудь во время сражений, в армейской походной типографии: «Слава героям Зееловских высот!»

Входя в блиндаж, я заметил слева урну для окурков, изготовленную из обыкновенной каски солдата нацистской армии. Может быть, хозяин каски сложил свою голову на этих скатах, наслушавшись вранья доктора Геббельса. А теперешние экскурсанты сбрасывают в эту нацистскую каску пепел своих сигарет, возможно, и не задумываясь в этот момент над тем, что в блиндаже Жукова такой жест приобретает и некое символическое значение.

С особым чувством я зашел в небольшую комнатку блиндажа, где стоят музейные экспонаты, принадлежавшие лично маршалу Жукову, его маленький письменный стол, его книги, на подставке у бревенчатой стены — полевой телефонный аппарат, карты. За этим столом он сидел, в этой комнате работал. Все просто, скромно, по-военному, по-фронтовому. Эта верность духу времени, подлинность обстановки впечатляет сильно и глубоко.

Мне же еще подумалось тогда, что хорошо бы увидеть на Зееловских высотах подлинные окопы, пройти по траншеям, по которым шагал маршал Жуков, генералы, офицеры, руководя отсюда сражением. Но траншеи не сохранились, окопы давно заросли травой.

Посажены и выросли новые деревья, и всему скату придан вид красивый и благоустроенный. Сотни жителей городов Франкфурт-на-Одере и Зеелов многие часы и дни работали здесь по велению сердца, добровольно. Мемориал был сооружен в 1967 году, в год 50-летия Октябрьской революции.

Выше блиндажа Жукова на ровной террасе — братское кладбище. Две линии могил в окружении цветников и деревьев. Над каждым холмиком постаменты из коричневого мрамора. Надпись по-русски: «Сол. Кошематов Георгий», «Сол. Изотов Александр».

Я вначале почему-то не сообразил, что означает это непривычное — «сол.», у нас-то ведь никто не урезает слова — солдат. Как трогает, какой болью входит в сердце этот длинный, траурный ряд фамилий на холмиках, которые и здесь как бы выстроились в строгую шеренгу. Словно бы и мертвые солдаты держат строй!

«Сол. Авраменко В. Ф.», «Сол. Колухатов И. Н.», «Сол. Фурманов Н. И.», «Сол. Егоров М. М.», «Сол. Юзин С. Е.», «Сол. Дубянский А. А.»

А рядом такие же постаменты из коричневого мрамора с одним только словом: «Неизвестно!», «Неизвестно!», «Неизвестно!». И около них много цветов.

Неизвестные, непознанные герои Зееловских высот! Они тоже лежат здесь. Я замечаю, что на этом кладбище более всего рядовых солдат. Первыми дорогу к победе прокладывали в бою те, о ком еще в годы сражений сложилась крылатая, верная и полная высокого трагизма поговорка:

«Солдаты переднего края долго не живут, но мир на них стоит вечно!»

Да, мир стоит вот уже сорок лет, и люди не забывают, да и не забудут никогда, кому они обязаны этим.

С террасы кладбища хорошо видна автобусная стоянка. Машины все прибывали и прибывали. Большие группы людей поднимались к кладбищу и не торопились отсюда уйти.

Я видел, как двое юношей подвели к могиле старую женщину, должно быть, свою бабушку. Она держала в руках букет ярких гвоздик. Юноши потом помогли женщине подняться по ступеням к памятнику на вершину горы. Она положила цветы к ногам русского солдата, и сама опустилась на колени. Долго, очень долго вглядывалась старая женщина в бронзовое лицо воина с автоматом, висящим на груди.

О чем она думала в этот момент, что вспоминала?! Не знаю, перевели ли ей надпись по-русски на постаменте:

«1941—1945 гг.

Вечная слава героям, павшим в боях с фашистскими захватчиками за свободу и независимость Советского Союза».

Но, наверно, она догадывалась о значении этих слов. Я видел, как она заплакала.

Плакали и две пожилые женщины, сидевшие рядом со мною в кинозале, когда на экране проходили кадры боев и здесь, на Зееловских высотах, и дальше — в Берлине. Фильм был построен на исторических параллелях. Вот довоенные, пышные гитлеровские военные парады. Вот лес рук, поднятых вверх для приветствия марширующих нацистских колонн. Вот те же руки, протянутые к солдату, который большим черпаком наливает суп в миски, к советской девушке-воину, раздающей голодным берлинцам хлеб.

Кадры знакомые, но что же из того! Они волнуют всех по-прежнему, а здесь, на Зееловских высотах, — с особенной силой. Нервно дышит маленький темный кинозальчик мемориала. Смотрят молча, вздыхают, женщины всхлипывают. Да, здесь есть над чем задуматься и сегодня, что вспомнить и что оплакивать! И все же это добрые слезы, слезы очищения, слезы благодарной памяти о тех, кто лежит на братском кладбище, кто отдал свою жизнь за то, чтобы нынешние поколения граждан ГДР могли спокойно и плодотворно строить социалистическое общество.

Чем дальше находишься на Зееловских высотах, тем яснее понимаешь, что это не просто «Памятное место освобождения Зееловских высот», как официально именуется мемориальный комплекс с памятником в различных проспектах и альбомах. Нет, это еще место той плодотворной и, я бы сказал, духовно неординарной работы, которую организовали здесь активисты общества немецко-советской дружбы, кружки юных историков города Зеелов. Они ведут обширную переписку с родственниками погибших воинов, получают сотни писем из Советского Союза.

«Милые юные историки! Мой брат Коля Иванов погиб при штурме Зееловских высот. Хочу знать, где покоятся его останки? С нетерпением жду ответа.

К. Иванова»

Иван Остридорога умер от ран, полученных на Зееловских высотах. А его дочь Раиса переписывается с пионерами города Зеелов.

И этому посвящены стенды с письмами на русском, немецком языках — для всеобщего обозрения. Это тоже впечатляет.

Многие торжества проходят здесь. Я видел в альбомах мемориала снимки, где изображены многолюдные митинги около памятника. Вот собралась молодежь, спортсмены — почтить память героев. Вот митинг общества немецко-советской дружбы, вот слет юных тельмановцев. Торжественное построение солдат народной армии ГДР, встречи ветеранов этих боев — гостей из Советского Союза.

Маршал Чуйков, бывший командующий 8-й гвардейской армией, на наблюдательном пункте которой и находился маршал Жуков на рассвете 16 апреля, посетил мемориал. На снимке — он с группой сопровождающих его лиц, советских генералов и генералов ГДР,

руководителей округа, куда входят и Зеелов и Франкфурт-на-Одере. На шею маршала — пионерский галстук — дар юных следопытов мемориала.

Несколько лет назад сотысячному посетителю памятного места был вручен ценный подарок.

В ГДР есть множество памятников минувшей войны, среди них, конечно, самый монументальный и грандиозный — мемориальный комплекс в берлинском Трептов-парке.

Но думается мне, что сооруженный на месте непосредственных кровавых и упорных боев мемориал Зееловских высот занимает в этом ряду какое-то свое особое место. И не говоря уже о силе того впечатления, которое он производит, этот памятный комплекс стал живым центром интернационального воспитания, действенным символом благодарности немецкого народа за освобождение от фашизма, символом нашей вечной дружбы.

Мы возвращались от Зееловских высот по великолепной берлинской автостраде. Заезжали еще ненадолго в город Франкфурт-на-Одере, красивый городок на берегу реки, неизвестнао изменившийся с тех пор, когда я видел его в апреле сорок пятого.

Дорогой я думал о том, что реликвии военных побед только тогда достойны породившего их всенародного подвига, когда вот так, как на Зееловских высотах, они бережно соединены с памятью о живых и мертвых, о солдатах и маршалах Великой Отечественной войны.

РАЗВЕДЧИКИ В БЕРЛИНЕ

ВЗЯТИЕ Г. Р. Г.

В подвижных формах боя отличились разведчики дивизии. Начальник разведки гвардии майор Матвеев 23.4 с десятью разведчиками занял Государственную радиостанцию Германии в районе 7 км южнее Любеньвальде...

Из донесения в штаб

Маршрут был точно проложен по карте, и черная стрелка упиралась в звездочку, около которой рукой майора Матвеева были выведены три заглавные буквы: Г. Р. Г.

Лейтенант, командир взвода разведки Борис Бажуков, видел на этой карте условное обозначение лесного заповедника «Ремате»,

подходившего с юга к городу Любенвальде. И действительно, просека шла через густой смешанный лес, где кроны высоких сосен, почти смыкаясь, закрывали полоску неба, а из чащи, поросшей густым кустарником, тянуло мятным запахом прошлогодней листвы и влажной землей.

Настоянные на лесном холодке ароматы действовали на Бориса успокаивающе, хотелось прикрыть веки. Но задремать не давала тряска в открытом «газике», за которым следовали трофейный бронетранспортер и полупортка с разведчиками в кузове. Они разыскивали в заповеднике Государственную радиостанцию Германии.

Это специальное задание поставил перед разведчиками командир дивизии. Он вызвал к себе Матвеева и Бажукова, показал им немецкую листовку, отпечатанную где-то в антифашистском подполье, кажется, даже в каком-то концентрационном лагере под Берлином. Это было обращение ко всем честным людям Германии.

«Берлинские рабочие! Бросайте работу и уходите с заводов. Солдаты в Берлине, объединяйтесь с рабочими! Берлинские женщины! Не терпите больше бессмысленного убийства ваших мужей, братьев, сыновей! Коммунистическая партия Германии призывает: вперед на бой, на разгром фашизма!»

Генерал громко и с явным удовольствием прочел вслух эти призывы.

— Вот видите, дышит, живет немецкая компартия, — произнес он словно бы в укор какому-то мысленному собеседнику. И добавил: — Если немцы не взорвут радиостанцию, передайте это обращение в эфир. Действуйте осторожно, но решительно, если возьмете радиостанции на ходу, хорошо, но в любом случае — мне срочное донесение. Идите выполняйте, — закончил он и протянул руку.

И вот сейчас Борис сидел рядом с Матвеевым, и у него закрывались веки, потому что в боях, в наступлении он не спал третью ночь. Сонное выражение на его лице сменялось лишь на мгновение легкой гримасой, когда машину подбрасывало на ухабах, но потом Борис снова начинал сладко подремывать и склоняться на плечо Матвеева.

«Вот дремля еду к месту боя», — иногда мелькало у него в голове, и Борис сам удивлялся спокойствию и тому состоянию, которое можно было назвать «оживанием в быт войны», ставшее таким привычным и обыденным.

«Значит, можно привыкнуть и к войне и даже к опасности», — подумал Борис.

Но именно в это мгновение майор Матвеев остановил машину резким выдохом: «Немцы!»

В первую минуту Борис ничего не увидел, кроме какого-то сетчатого забора, мелькнувшего за опушкой леса. «Газик», бронетранспортер и полупортка резко свернули с просеки в чащу, а разведчики, соскочив на землю, негустой цепью рассыпались по лесу.

Приказав на всякий случай занять оборону, но в землю пока не закапываться, Матвеев, захватив с собой Бориса, прополз вперед метров пятьдесят. Выбрал подходящую сосну, подпрыгнул, чтобы уцепиться за ветки, и сначала сам, а потом помог и Борису устроиться на этом жестком и покачивающемся наблюдательном пункте.

— Давай зри в оба, лучшее НП нам сейчас не оборудовать,— сказал Матвеев, не скрывая своего удовольствия оттого, что он с мальчишеской ловкостью вскарабкался на дерево.

«Да, все мы бывшие мальчишки!» — подумал Борис.

Матвеев поднес к глазам бинокль, потом отдал его Борису. Но сейчас уже без бинокля были хорошо видны пирамидальные башни с антеннами. За сетчатым забором тремя черными шапками из-под земли выпирали железобетонные доты. За ними громоздились какие-то наземные постройки.

Матвеев высказал предположение, что главные передатчики упрятаны немцами в подземный бункер.

— Наверно,— согласился Борис. Его удивляло, что довольно обширная территория Государственной радиостанции казалась совершенно безлюдной. Только перед сетчатым забором, у развилки дорог, копошилась довольно большая группа солдат.

— Вы почему крикнули «немцы», товарищ майор, ведь с просеки их не было видно? — спросил удивленный Борис.

— Правильно. А вспомни, чему тебя учили: где обычно противник отрывает оборонительные траншеи? На обратных скатах холмов. Следовательно,— Матвеев вытянул указательный палец, — с земли мы и не могли их обнаружить.

— Но почему вы крикнули, не увидев еще?

— Почувствовал,— сказал Матвеев и тихонько рассмеялся.— Чутье! Его, брат, не купишь в магазине, в кожу не вотрешь, как мазь, его на войне зарабатывают кровью.

— Да, конечно,— согласился Борис.

Немцы спешно занимали оборону, рыли окопы.

— А в дотах, наверно, есть пулеметчики,— подумал Борис вслух.

— А как же. Там вторая линия,— сказал Матвеев.

— А что, если сразу сбить их с первой, пока в землю не зарылись, вот бы шугануть их с холма!

— А как же ты шуганешь? — спросил Матвеев.

— «Как, как!» — еще не найдя ответа, а только чувствуя в себе закипающую решимость, повторил Борис.— Да вот так,— быстро произнес он слова, пока ничего не означающие, но с уверенностью, что вот сейчас, еще минуту, и он придумает, как это сделать.— Товарищ майор, дайте мне десять человек, я выскочу внезапно из-за леса и...

— И дурак,— спокойно сказал Матвеев.

Он повис, уцепившись руками за ветвь дерева, а затем спрыгнул на землю. Борис сделал то же, и они молча двинулись назад к разведчикам.

Заговорив о том, как бы «шугануть» немцев, Борис вначале просто поддался эмоциональному порыву. Схлопотав от Матвеева «дурака», он не стушевался, а стал серьезно думать о том, как сбить с позиций группу немцев у дороги.

— Это редкий случай, когда можно принять смелое, яркое решение, — шептал он, подогревая в себе азарт и решимость. — Товарищ майор, у вас уже созрел план атаки? — спросил он таким взволнованным тоном, что Матвеев не только оглянулся, но и даже остановился.

— А у тебя?

— Внезапность!

— Что внезапность?

— Надо их использовать. И притом бронетранспортер у нас фрицевский. Значит, примут за своих. Мы к ним влетаем на скорости, и «Хенде хох!».

— На Троянском коне.

— Чего? — не понял Борис.

— Троянский конь из древней истории. Элементарное коварство. Не пройдет!

— Пройдет, уверяю вас. Всего десять человек, остальные в засаде, в случае чего поддержат огнем.

— И все-таки авантюризм, — покачал головой Матвеев. — Ты что, Борис, хочешь голову свою здесь оставить? В этом деле я тебе не помощник.

— И это говорит один из самых храбрых офицеров в дивизии. Смешно! — Борис от огорчения даже плюнул себе под ноги.

Матвеев нахмурился. Борис по его лицу видел, что Матвеев еще не принял решения, колеблется.

— Станция, возможно, на ходу, если удастся захватить ее целой. Это стоит риска, — настаивал Борис.

— Ну стоит, так стоит. Только вот что, Бажуков! Возьмешь человек пять. С остальной группой подползем тихонько и откроем огонь с двух сторон. Ты понял меня?

— Я понял, — сказал Борис, — и спасибо!

— Ну, давай делай свой подвиг! Пошел вперед! Успеха! — командовал Матвеев.

Так Борис получил разрешение на бой, понимая, что его ждет провал, если он в решающую минуту дрогнет, испугается, проявит хоть в малейшей мере слабодушие.

Он вполне сознавал это, садясь в бронетранспортер.

Он помнил об этом, приказывая шоферу ехать как можно быстрее, он торопил солдат — дорога была каждая минута.

— Бойся, но не трусь! — так говорил ему Матвеев. Бояться даже самые храбрые люди. Но теперь Борис уже твердо знал, что не надо страшиться этой боязни, и если у тебя от нервного озноба дрожат руки, то это все еще не означает, что ты трус и не выполнишь своей задачи.

Только одного боялся сейчас Борис: как бы предательски не начал титак в его теле икотный будильник.

— Только не это, — твердил он себе, — только не это!

Пока же он цепко держался обеими руками за металлические поручни, потому что бронетранспортер бешено трясло и мотало на ямах, кочках и пнях в чаще заповедника.

Как медведь, ломая кусты и стремительно прорываясь между деревьев, бронетранспортер с черно-белыми крестами на боках вылетел на опушку леса. Он свернул прямо к немецким окопам и, заскрежетав гусеницами, остановился у развилки дорог.

Немцы, ничего не подозревая, сбежались к «своей машине». Борис нашел в себе силы выждать несколько минут, чтобы их собралось побольше на открытом месте, где негде укрыться от автоматного огня. Он чувствовал, что весь покрылся липким потом, от волнения у него перехватывает дыхание.

— Ну, давай! — скомандовал он себе. Поднявшись во весь рост. Борис закричал вдруг по-русски: — Сдавайтесь!

Его сначала не поняли, и передние даже качнулись поближе, чтобы услышать, что кричит этот человек, вылезший из бронетранспортера. Потом разглядели форму и теперь уже резко попятились назад, потому что через несколько секунд вслед за Борисом над бортами машины поднялись еще пять разведчиков с автоматами.

Оно продолжалось мгновение — это состояние взаимного изумления: у одних от страха, у других от своей храбрости. Решали эти несколько секунд непрочной тишины, этой жуткой паузы, и в ней маленюкие, но могущие оказаться роковыми случайности: чей-то выкрик, непроизвольный выстрел, может быть, даже выражение лица Бориса, повторившего громко по-немецки свой призыв к сдаче.

А толпа немцев продолжала молча пятиться назад.

На какую-то секунду Борис даже зажмурил глаза: зеленые шинели сливались в одну колышущуюся массу, лица слеплялись в бесформенную уродливую маску...

Может быть, кто-то уже целится в него, кто-то спускает курок, и сейчас грянет выстрел. Он — открытая и неподвижная мишень.

Сколько нужно времени, чтобы ощутить счастье? Секунда. Борис пережил ее. Это было самое яркое мгновение боя... То, что случилось потом, запомнилось хуже.

Немцы все же оказали сопротивление. Они открыли огонь и в то же время беспорядочно и панически бежали к лесу. Застучали пулеметы, но трудно было понять, чьи — немецкие или Матвеева, который с разведчиками встречал бегущих у опушки.

Автоматчики Бориса попрыгали на землю, чтобы рассредоточиться, и вели огонь. Борис тоже побежал с ними, началась суматоха боя.

На опушке она продолжалась минут десять. Покинувшие свои окопы немцы буквально металась меж двух огней, одни из них сразу же бросили оружие, другие — когда убедились, что окружены русскими, и только маленькая группа просочилась в лес и ушла в глубину заповедника.

— Пробивайся к станции, — крикнул Матвеев Борису, — а я возьму на себя доты!

С этой минуты Борис уже не мог наблюдать за тем, что делает Матвеев. Пока Борис со своей группой полз по асфальтовому двору Г.Р.Г., перебегал за какие-то башни, прятался за постройки и снова полз по асфальту, запачканному мазутом, вдыхал рвотно-смоляной воздух гудрона, он слышал и пулеметное тьяканье, и взрывы гранат, и крики «ура», но не знал, что происходит у дотов.

Потом он ворвался в подземный железобетонный бункер, в большой зал операторской с блестящим и скользким кафельным полом, по которому хотелось прокатиться, как по льду, и вот здесь откуда-то, кажется, из-за двери, прозвучали два коротких выстрела и что-то остро кольнуло Бориса в боку.

В первое мгновение он даже не поверил, что ранен, все заканчивалось так хорошо, разведчики достигли аппаратной, и в азарте боя Борис не чувствовал боли.

Боль не появилась и позже, а только легко дурманящая слабость. Но когда Борис почувствовал теплую мокроту под правой рукой, это испугало его. Пятно на боку ширилось. Рука Бориса стала красной и липкой. Матвеев, подбежавший к нему, заметил, как Борис побледнел, и заставил снять гимнастерку и рубашку, перевязал его бок своим индивидуальным пакетом.

Борис все пытался шутить и ерепениться, заявил, что может держаться на ногах и воевать, но Матвеев довольно грубо толкнул Бориса в глубокое кожаное кресло, стоящее около пульта в небольшой глухо застекленной кабине. Борис догадался, что это кресло диктора. Он устроился в нем полулежа, в то время как в главном помещении аппаратной еще бегали и стреляли разведчики. Вскоре они вытащили откуда-то двух штатских немцев, наверно, радиотехников, и Матвеев о чем-то говорил с ними.

Борис улыбнулся ему, когда Матвеев снова вошел в кабину с перепуганным техником. Майор потрогал какие-то рычаги, включил микрофон и застыл с торжественным лицом и текстом немецкой листовки в руках, той самой, что им вручил командир дивизии.

Немец махнул Матвееву рукой: мол, начинайте! И тотчас над дверью и в разных местах аппаратной зажглись красные табло: «Тише, идет передача!».

Борису стало даже весело и немного смешно оттого, что бой закончился таким неожиданным финалом, обыкновенной радиопередачей в эфир, и что Матвеев говорит так спокойно, и вокруг все обыденно, словно бы находятся они не в отбитом только что у противника радиобункере, а в Москве, в центральной студии перед началом «Последних известий».

— Вот взяли радиостанцию на ходу — порядок, а я легко ранен, — сказал себе Борис, чувствуя, что слабость все увеличивается, а страх не растет, а только где-то зудит в сердце беспокойство оттого, что повязка все намокает, а бок снова тепло-мокрый, а это значит, что он теряет кровь.

Но Борис старался об этом не думать, а слушал, как Матвеев читает листовку.

— Нашим мой привет из эфира! — произнес Борис, но так тихо, что Матвеев не расслышал его. Он еще хотел сказать: «А здорово мы это сработали с радиостанцией, герои мы, правда?» — но произнес это уже только мысленно.

Он не лишился сил, нет. Просто слова, любые слова были сейчас очень-то важны. Куда приятней было молчать и с успокоенным сердцем полудремать в кресле, в то время как за стеклянной стеной дикторской бегают дорогие тебе люди, твои солдаты, машут руками, о чем-то кричат, но, как в немом кино, ты только видишь, но уже не слышишь их...

ДАЧА ГЕББЕЛЬСА

Помощник начальника разведотдела дивизии старший лейтенант Калачев 24.4.45 г. с 14 разведчиками на машинах обнаружил и занял дачу Геббельса...

Из донесения в штаб

Немецкий солдат в разодранном и грязном френче, мокрый от усталости и страха, со слипшимися и спутанными на лбу волосами сидел на стуле перед военной переводчицей Верой Устиновой. Сбоку, занимая полстены, висела большая карта района боев. Иногда солдат поднимал глаза и искоса, с оживляющим лицо любопытством, с каким всякий военный человек даже в плену смотрит на карту, оценивающе взирал на красные флажки, клином бегущие к Берлину.

Звали пленного Курт. Он был рыж, ослепительно рыж, с нежной, как у всех рыжеволосых, кожей шеи. Час назад его взяли в окопе,

волоком тащили через ничейную землю. Сейчас пленный только-только приходил в себя, осознав резкую и необратимую перемену своей судьбы.

Он начал отвечать на вопросы Веры, но, говоря и вспоминая, уже примешивал горькую щепоть иронии ко всему, во что еще недавно верил. Вера видела, что он готов уже истерично смеяться над своей незадачливостью, над глупостью товарищей, и это в его положении было единственным, что могло как-то смягчить Курту всю боль самобичевания.

— Он приезжал к нам, даже посетил штаб батальона, гроссадмирал Дениц,— сказал солдат и скривил пересохшие от жажды губы.

— Выпейте.— Вера подала ему стакан воды.

— Он офицерам нашим приказал: надо продержаться еще два дня, сдержаться русских, а затем наступит поворотный пункт в войне. Поворотный пункт! Поворотный пункт! Дениц твердил об этом. Напрягите силы и продержитесь! Еще два дня. А потом Германия и Америка пойдут в наступление против русских... Все солдаты с нетерпением отсчитывали часы и даже минуты, ну и, конечно, потом ничего не произошло.

Солдат отпил еще глоток воды, но не проглотил, а прополоскал им рот и искал, куда бы сплюнуть. Вера подставила ему пепельницу.

— Данке,— пробормотал он. И выражение его лица было такое, словно бы он хотел выплюнуть из себя всю оскомину и горечь лжи, которой накормил его два дня назад гроссадмирал Дениц.

Вера усмехнулась и посмотрела на перехваченный текст радиogramмы, разосланной Гитлером всем частям Восточного фронта:

«Держитесь. Через сорок восемь часов наступит перелом, и мы перейдем в контрнаступление».

Вера отложила радиogramму в сторону, подумала: «А на что, собственно, рассчитывает Гитлер? На 12-ю армию Венка?»

После того как 16 апреля началась стратегическая операция трех советских фронтов, немецкие радиостанции буквально заполнили эфир воплями, обращенными к армии Венка. Гитлер начал передислоцировать ее с запада под Берлин, как только определился прорыв обороны у Зееловских высот, где на короткое время немцам удалось задержать наше наступление. «Венк! Где Венк? Где Венк?» — неслось по радио из главной ставки Гитлера.

Но армию Венка наша разведка перед Берлином пока не обнаруживала. А немецкая долговременная оборона тем временем трещала по всем швам. На гребне Зееловских высот развевалось красное знамя, пали города Мускау и Вейсвассер, поляки, действующие в составе фронта, заняли город Роттенбург. Одер-фронт быстро и неотвратимо разваливался.

Вера, думая, смотрела то на карту, то на пленного солдата, рассказывавшего ей, что он пережил в первые часы русского наступле-

ния. Наверно, он считал, что делает приятное русскому офицеру-женщине, и сам, находясь уже в безопасности, получает особое удовольствие от того, что, обхватив ладонями голову, повторяет: «Адский огонь! Невероятно! Все сметал! Как я не сошел с ума! О, я не верю, что еще жив!»

Вера записывала показания, очищая их от шелухи восклицаний и почти истеричной экспрессии. Ожидала, пока немец успокоится и, может быть, сообщит что-нибудь важное. Пока же она просматривала лежащие перед нею газеты.

Сочетание на газетной полосе новостей с фронта и тыла вызывало у нее чувство, похожее на легкое головокружение от высоты. «Вышка истории!» — вот слова, которые сейчас стучались в ее сознание. Да, она находится сейчас очень близко около этой вышки, громадной вышки истории, куда вознесла их всех война.

Газеты сообщали о прорыве немецкой обороны по широкому фронту. Первый Украинский — западнее Нейсе, Второй — в Австрии освободил город Цистердорф, Третий — брал города на Дунае, Четвертый — в Югославии. Немцев вышибали отовсюду — от Балтики до Адриатики.

А в тылу? Танковая промышленность увеличила производительность на 25 процентов. Она еще целиком работала на войну. Вот список новых дважды Героев: Белобородов, Гараев, Кунгурцев, Хрюкин. Установились дипломатические отношения с республикой Боливией.

— Так, так, — вслух произнесла Вера.

Курт все еще вспоминал о пережитом во время арналета.

— Вы откуда родом? — перебила она.

— Из Любенвальде. Это рядом, — сообщил солдат почему-то шепотом.

Она еще расспрашивала пленного, когда в дом вошли майор Калачев и начальник седьмого отдела майор Штерн. Штаб армии и политотдел уже перебазировались через Одер. Седьмое отделение заняло дом, в котором находилась раньше сапожная мастерская. Всюду на полу валялись колодки, ящики с гвоздями, груды обуви.

Комната, где висела карта, несмотря на то что Вера открывала окна, все же пахивала кожей и клеем.

— Силен сапожный дух! — воскликнул Калачев еще в дверях. — Посидишь с полчаса, и захочется пить в стельку. Вообще-то я люблю, когда пахнет кожей, клеем. Сытный запах, городской.

— А я люблю, когда свежим хлебом пахнет по утрам на улицах Москвы, — сказала Вера.

— Тоже приятно.

Калачев был в веселом расположении духа. Он подмигнул Вере, Вера ему так, без особых причин, просто потому, что хорошее настроение заразительно.

— Вот послушайте, товарищи, как немцы сами иронизируют над своим Геббельсом. Это мне пленный сейчас рассказал.

— А ну давайте, — сказал Калачев, — хороший анекдот — это моя страсть.

— Значит, так. Это вроде бы разговор двух солдат, которые что-то там ковыряют на противотанковых сооружениях по приказу доктора Геббельса. Один солдат спрашивает: «Как ты думаешь, сколько времени понадобится русским танкистам, чтобы овладеть нашими укреплениями?» — «Четыре с половиной минуты», — отвечает другой. «Позволь, — удивляется первый, — откуда у тебя такая точность расчета?» — «Очень просто: когда русские танкисты увидят наши укрепления, они вылезут из машин и четыре минуты будут смеяться над ними. А потом им понадобится еще полминуты на преодоление этих препятствий».

— Ха, ха! — залился Калачев. — Неплохо!

Пленный, услышав, как Вера произносит имя Геббельса, должно быть, догадался, что речь идет о его анекдоте. Он услужливо заулыбался, как бы и себя присоединяя к общему разговору.

— Цыц! — огрызнулся на него Калачев. — Тебе, фриц, смеяться не положено. Ты еще этот юмор отработай должен.

Понял солдат или нет, но он весь съежился и потупил голову под взглядом Калачева.

— Нам надо искать новые формы пропаганды, — заметил Штерн. — Надо рассевать эту черную пелену страха на глазах рядового немецкого гражданина. Геббельс все время болтает о русских зверствах. А ведь речь-то идет о гуманном отношении к тем, кто непосредственно не связан с военными преступлениями. Вылавливать только крупных нацистских функционеров. В городах будем ставить бургомистрами немцев. Вообще поворачивать Германию к демократической жизни. Почитайте.

Штерн протянул Вере бумагу.

— Между прочим, — вспомнил он, — надо бы в листовках использовать такой факт. Гитлер запретил под страхом расстрела всем гаулейтерам покидать свои нау. Геббельс будет сидеть в имперской канцелярии до конца, пока его не убьют или сам не застрелится. Ведь он новый гаулейтер Берлина. Деваться ему некуда. Вот тут недавно гаулейтер Кенигсберга Кох сбежал из города, явился к Гитлеру, но получил от него такую трепку, что вообще где-то скрылся в Берлине.

— Откуда вы это все знаете? — удивилась Вера. — Можно подумать, что вы вчера побывали в новой имперской канцелярии.

— Я нет, — сказал Штерн и снисходительно к наивности Вериного вопроса усмехнулся. — Но и в окружении Гитлера есть, я думаю, наши глаза и уши. Вам задание, Устинова, быстро собирайтесь на дачу... Геббельса!

— Куда? — переспросила Вера.

— Дача Геббельса. Вы знаете, что такое дача? Ну, не такая, конечно, какую вы снимали до войны где-нибудь в Тарасовке или Малаховке. Это лесной дворец, наверно, шикарный охотничий замок или что-то в этом духе.

— Вы шутите,— сказала Вера,— хотя в общем-то от Берлина до нас не дальше, чем от Москвы до Мононо, просто никак к этому не привыкнешь, что Берлин рядом.

— Привыкайте, и побыстрее,— заметил Штерн,— и учтите, возможно, что дачу охраняют или она заминирована. Возьмите двух саперов. И поищите-ка в этом «шалашике» доктора Геббельса — интересный для нас пропагандистский материал...

Когда Вера вышла из дома на улицу, у подъезда их ожидал «виллис» и полторка с автоматчиками. Калачев сел рядом с шофером, положив на колени автомат, и, важно махнув рукой, подал команду к движению.

По донесениям разведчиков, дача Геббельса находилась в сосновом бору, километрах в десяти вправо от автострады Кюстрин — Берлин. Прежде чем свернуть с шоссе, Калачев пропустил вперед машину с автоматчиками, они ехали по местности, всего лишь несколько часов назад занятой нашими войсками. И можно было напороться на разрозненные группы солдат и эсэсовцев, бредущих от Одер-фронта на запад.

Перед въездом в лес сделали пятиминутную остановку. Калачев заприметил неподалеку от обочины деревянный домик в тени фруктовых деревьев и сказал, что зайдет туда попить воды. Вера пошла вслед за ним.

Калитка, ведущая в палисадник, была распахнута, за нею лежала между цветочных клумб узкая чистенькая полоска асфальта. Калачев постучал кулаком в массивную дверь с медным кольцом ручки. Потом рукояткой трофейного эсэсовского кинжала. Нигде ни звука.

— Пустой,— сказал Калачев и толкнул дверь. Она оказалась незапертой. Вошли в дом все трое и по коридорчику прошагали в ногу, так что под ударами сапог жалобно поскрипывали плитки старого паркета.

— Хозяева удрали — значит, боятся русских. Только вот обстановка небогата,— заметил Калачев, осматривая дом,— не успели составить состояния.

— Послушайте, там кто-то есть! — воскликнула Вера. Все остановились. Действительно, из боковой комнатки доносилось чье-то глухое бормотание, всхлипывания и снова бормотание. Калачев первый распахнул дверь, обнаружив за нею спальню с двумя кроватями, шкафом, туалетным столиком и портретом Гитлера над ним. Розовым язычком огня еле теплилась свечка. А на ковре перед портретом стояла на коленях немка — старуха, худая, в черном траурном платье. Она не обернулась, не вскрикнула, услышав чужие

голоса в своем доме, а только глубже втянула в плечи седую, с просвечивающейся бледной кожей голову.

Старуха молилась на портрет Гитлера.

— Что она там бормочет? — спросил смущенный Калачев у Веры.

— Спаси нас, фюрер, от русских, от напастей и страданий, от Сибири и зверств. Аминь! — дословно перевела Вера.

Старуха поднялась с коврика, поправила платье и заговорила. У нее оказался тот жесткий и резкий голос, который бывает у высохших, но еще крепких и волевых старух. К удивлению Веры, она заявила, что Гитлеру она молится по привычке, хотя и понимает, что Гитлер сейчас не так уж много может сделать.

— Сумасшедшая, — сказала Вера по-русски.

— Да ладно, пошли отсюда, — махнул рукой Калачев, и они вышли из дому, даже забыв напиться.

— Старушка занятная! — сказал Калачев уже в машине.

— Из паствы Геббельса, — откликнулась Вера. — Начнешь молиться, когда и в газетах и по радио вопят «о большевистском терроре», «о монгольских истребительных полках».

— Да, он большой шутник, доктор Геббельс, вот мы сейчас пощупаем его бунгало. Не все же уволокли с собой его холоу.

Калачев вытащил из планшета карту, отыскивая помеченную крестиком точку в лесу...

Дача стояла в глубине смешанного березового и соснового бора, где бросалась в глаза высокая, непомятая трава, густо разросшиеся кусты, по которым сразу определяется безлюдная, запретная зона. Ее не мяли ничьи ноги, кроме сапог эсэсовцев охраны, да и те, наверно, держались асфальтовой дороги, которая изгибалась чуть ли не под прямым углом.

— Чтобы лесной дом не просматривался издали, — определил Калачев.

Высокий серый забор отделял участок, непосредственно примыкающий к даче. Асфальт подводил к железным воротам. Автоматчики попрыгали из кузова полуторки, рассыпались в цепь.

Калачев вытащил пистолет, пошел к воротам в пяти шагах сзади саперов с миноискателем. Ворота никем не охранялись. За ними оказалась не сама дача, а какая-то сторожка, должно быть, караульное помещение в центре еще одной зоны, огражденной заборами. Там тоже было безлюдно. Внутренний забор имел калитку, к которой и направились автоматчики.

— Предварительная зона. Хитро. Когда барин приезжал, тут, наверно, бывало охраны, что с полком не пробьешься, — шепнул Калачев Вере. Казалось, что эта сложная система поясов охраны даже чем-то восхищает его.

Наконец уже за вторым забором открывался вид на фасад большого деревянного дома с колоннами и башенками, с большими

резными фигурами животных на крышах. Стекланные галереи-веранды соединяли основное здание с крыльями примыкавших к нему флигелей.

— Ого! — выдохнул Калачев. — Вот это дачка! Здесь собирались феи местных лесов. Говорят, он девок сюда возил. Большой был бабник, хотя официально считался примерным семьянином. Верно?

— Не знаю, — сказала Вера, — как-то не интересовалась.

Вера огляделась. Ей не нравилась безвкусная пышность дворца в духе средневековых тевтонских замков, охотничьи дачи, которые в разных концах страны настроили для себя нацистские функционеры, эти «лейтеры» и «фюреры» — «радетели» за немецкий народ.

Пока саперы и автоматчики прощупывали многочисленные комнаты и переходы, цветочные оранжереи и террасы этой огромной дачи, пока они писали мелом на стенах: «Проверено, мин нет», Вера поднялась на второй этаж в кабинет и примыкавшую к нему библиотеку Геббельса.

Могла ли Вера предполагать когда-нибудь, что военная судьба приведет ее, скромную русскую учительницу, в кабинет одного из заправил третьего рейха, главного оратора и пропагандиста Геббельса. Могла ли она думать, что сможет взять в руки брошенные на столе бумаги, папки, валяющиеся на полу, на столиках, сможет полистать книги в его шкафу с пометками рейхсминистра, с дарственными надписями самого фюрера.

Его портрет в полный рост криво висел на стене кабинета, должно быть на одном гвозде. Вера вначале не поверила глазам своим. Забыть в кабинете портрет Гитлера! Какая же тут царил паника в минуты бегства!

— Вот это номер! — воскликнула она, показывая Калачеву на портрет. — Смотрите, товарищ майор, находка для нашей листовки: «Геббельс бросает изображение любимого фюрера».

— Ай-ай, если бы Адольф узнал об этом. А ведь есть, наверно, и дарственная надпись. Посмотрите, — приказал Калачев.

На портрете действительно имелась надпись: «Моему верному соратнику». И странная подпись, в которой только первые буквы росчерка стояли прямо, а остальные почти вертикально падали вниз. Так подписывался Гитлер. Вере приходилось видеть на немецких документах подписи Геббельса, Геринга. Подражая вождю, они изощрялись в причудливой каллиграфии. О подлинной транскрипции такой подписи можно было только догадываться, зато даже графически ясно выражалась напыщенность этих людей.

Калачев ушел, а Вера продолжала осматривать кабинет. Штатский Геббельс отличался почти общей для всех нацистских бонз приверженностью к охотничьим атрибутам и военным доспехам. Всюду на стенах висели ружья и пистолеты, а также много рогов оленей, туров

и молодых козуль. Значительно меньше было книг в кабинете главы министерства пропаганды.

Гитлер не любил ученых. Геббельс не любил книг. Большинство ученых и писателей или сидели в лагерях, или уехали из страны. В гитлеровской Германии «шефом» искусства и главным его оценщиком являлся сам Гитлер, однако литературой и даже наукой «руководили» и Геббельс, и Розенберг, и Гиммлер.

Гиммлеровское гестапо щеголяло своей секцией «культуры», СС имели даже целую академию.

Вера вспомнила о нацистской академии, найдя в кабинете Геббельса издания так называемой «Аненэрбе» — Академии родовой наследственности. Она доказывала величие тевтонского происхождения, но не обходила своим вниманием и естественные науки.

На журнальном столике, раскрытый на статье о предсказаниях погоды, лежал «Журнал для всех по естественным наукам», который редактировал сам Гиммлер, окончивший когда-то сельскохозяйственную школу. Вера просмотрела статью. В ней рекомендовалось предсказывать погоду по тому, как глубоко пускает корни растение «бездременник осенний» в разные годы. Автор подкреплял свое мнение тем, что «на этот факт обратил внимание фюрер».

Гитлер считался всеобъемлющим авторитетом и гением во всех областях науки. Он на все «обращал внимание» и во все вмешивался. Гиммлера, видно, тоже не оставлял научный зуд. Ученые из «Аненэрбе» выдвинули даже свою теорию строения Вселенной.

Вера захлопнула журнал и развела руками, хотя находилась сейчас одна в кабинете. Просто она должна была как-то выразить свое удивление перед этим чудовищным бредом, возведенным в степень государственной политики.

— Я возьму этот журнал себе на память, — сказала вслух Вера. Вообще, ошеломленная увиденным, она несколько минут разговаривала с собой вслух, пока не зашел в эту комнату Калачев. Он уже успел облазить дом и выглядел сейчас очень возбужденным.

— Что случилось? — спросила Вера.

— Там есть одна интересная штука, внизу, где жила прислуга Геббельса. Пойдемте покажу.

Вере не хотелось оставлять кабинет и библиотеку, но Калачев повторил просьбу, которая уже звучала как приказание. Пришлось спуститься на первый этаж.

— Смотрите, явный выступ. Видите, эта стена шире. И вот шов — свежая штукатурка. Понимаете?

— Нет, — призналась Вера. Калачев размахивал руками, и его мысленные геометрические повторения казались даже забавными.

— Тут же тайник, — сказал он, сердясь на непонятливость Веры.

— Здесь?!

— Именно! Ну, какой я молодец, что усмотрел. Честное слово, молодчага! — как мальчишка, радовался Калачев. — Уже солдаты бьют шурф.

Действительно, со стороны коридора доносились тупые удары ломом, шуршание лопаты — это автоматчики по указанию майора пробивали в стене большую дыру.

— Это смешно. Как дети. Неужели будут искать клад? И потом, — недоумевала Вера, — вряд ли сам Геббельс стал бы что-нибудь прятать в помещении для слуг.

— Мы ничего не знаем, ничего, — возбужденно потирал ладони Калачев. — Может быть, именно здесь, никому не придет в голову, для маскировки.

Он торопил солдат, готовый, казалось, сам схватиться за лом.

— Что там надеетесь найти — документы?

Вера невольно втягивалась в эту интересную затею, в которой было что-то и загадочное, и даже волнующее. Поиски клада на даче Геббельса. Детектив! После войны расскажешь — не поверят.

— Да и документы, — ответил после паузы Калачев. — Тут на любое можно напоротся.

Прошло минут десять. Калачев, не в силах сдержать нетерпение, полез в дыру, не дав солдатам хорошенько расширить ее. Он полз в тайник, в существовании которого не ошибся, обдирая гимнастерку о кирпичи и штукатурку в проломе. Вот мелькнули перед глазами подошвы его сапог. Вера пыталась что-то разглядеть в темноте.

— Ну, как там, есть что-нибудь, есть?

— Есть, — глухо донеслось из дыры.

— Что же?

— Сундук.

Вера охнула:

— Клад!

— Открываю, дайте клещи и ручной фонарь, — потребовал Калачев.

Он долго там возился с замками, чертыхался, должно быть, обдирав руки. Ниша оказалась низкой, и майор стоял на коленях. Наконец он сорвал крышку сундука.

— Что там? — не терпелось Вере.

Калачев долго не отвечал. Потом что-то пробормотал, кажется: «Рейхсминистр — подонок!»

Вылезал он из тайника медленно, явно не торопясь, и вытащил меховую шубу, два дамских пальто, белье, старые тряпки. Грязный, весь в известке и пыли, полный такого разочарования и злобы, что Вере даже стало жалко его, хотя она с трудом удерживала себя, чтобы не расхохотаться.

— Ну, какая сволочь додумалась замуровать в нише сундук со старым барахлом? — спросил он у Веры тоном человека, который и не ждет ответа, могущего его утешить.

— Нарочно врят ли?

Вера пожалала плечами.

— Нет, нарочно, чтобы посмеяться. У, Геббельс!

Калачев сжал кулаки, плюнул на пол и пошел умываться. Он вернулся минут через десять, немного успокоенный, и Вера спросила, зачем он, убедившись, что в сундуке нет ничего ценного, все же вытащил эти тряпки.

— Бросьте вы их!

Сердито стуча сапогами, Калачев прошагал в кабинет Геббельса, чтобы подписать опись некоторых книг и бумаг.

РАЗВЕДЧИКИ В БЕРЛИНЕ

Немцы, прижатые к реке Шпрее, упорно дрались за каждый дом...

Из донесения в штаб

Центр города, Мюлерштрассе, вблизи Шпрее. Какой-то старик немец, одетый во все черное, словно он собирался примкнуть к траурной процессии, предложил мне купить у него путеводитель по Берлину. Он неуверенно попросил за него одну рейхсмарку. Вряд ли в разрушенном городе кто-либо мог воспользоваться путеводителем, тут целые кварталы были снесены бомбовыми ударами. И притом рейхсмарки доживали последние часы.

Наверно, старик догадывался об этом. И все-таки он продавал путеводитель, рассказывающий о том Берлине, каким он был до начала войны, затеянной Гитлером. В этот день я, несколько раз вытаскивая путеводитель, пытался сориентироваться в лабиринте улиц, разрушенных домов и мостов. Но безуспешно. Многие улицы исчезли вообще, похороненные под громадами рухнувших зданий. Многие проспекты перегораживали дамбы из камня и бетона, на которые не могли взобраться ни машины, ни танки.

Наши самоходные пушки и прославленные танки Т-34 накопились здесь, готовясь к новым атакам. А рядом с ними на берлинских улицах можно было увидеть лихих повозочных. Смело подбирались они к самой передовой, подвозя продукты и фураж. И запах нагретого солнцем сухого сена, словно бы запах русских полей, тихое ржание лошадей, крики повозочных, слышимые в паузах между разрывами снарядов и мин, — все это, смешиваясь с отдаленным и близким гулом боя, создавало картину удивительно пеструю, необыкновенную и неповторимую.

Это было днем, но вот наступила короткая весенняя ночь, и мы лежим в узкой, похожей на детский пенал, комнате на четвертом

этаже большого дома. В комнате плавает тяжелый красноватый свет от пожара, полыхающего в соседнем квартале. Из открытого окна видно, как на фоне светлеющего неба желтеют и становятся прозрачными длинные языки пламени. Мы лежим и слушаем глухое дыхание города, медленным прибором вкатывающееся в комнату.

Сквозь треск пожаров и редкие залпы орудий неожиданно доносится звук необычный и, казалось, уже забытый. Это гудит надтреснутым голосом паровоз на окружной дороге, куда, наверное, пришли уже наши дорожные войска. Паровоз гудит долго и призывно, словно торопит солдат, зовет домой.

И ночь, и отблески огней, и особенно, должно быть, этот гудок паровоза настраивают моих соседей, двух сержантов из дивизионной разведки, на воспоминания. Одного зовут Николай Ермаков, другого Вахтанг Чхеидзе.

Ермаков в «гражданке» был сталеваром в одном из подмосковных городков. Он худощав, подвижен, я ни разу не видел разведчика с брюшком, с лицом, на котором все крупно: и лоб, и нос, и красиво очерченные, по-детски немного припухшие губы.

Еще несколько часов назад Ермаков был в бою, добывал «языка». Сражение в таком громадном городе, как Берлин, представляло свои особые трудности не только для танкистов, артиллеристов, пехоты, но и для разведчиков. Как метафорически выразился один мой знакомый генерал, «войска в Берлине таяли, как масло на сковородке». В берлинском сражении особенно выросла роль разведчиков, чьи смелые и умелые действия помогали вовремя обнаруживать и подавлять огневые, опорные пункты противника.

Светя карманным фонарем на листки блокнота, я записал тогда рассказы разведчиков. Я хочу привести их такими, какими они остались у меня в блокноте, как маленькие документы великой битвы, как рассказы солдат в перерыве между двумя боями.

Ермаков говорил мне:

«Вызывает меня командир роты на крышу пятиэтажного дома, а сам долго шарит биноклем по отдельным домам, постройкам, баррикадам, потом говорит: «Ну, Ермаков, видишь голубой домик? Вон на углу улицы стоит?»

«Вижу», — говорю. А знаете, сердце защемило, как я поглядел на этот «домик» в четыре этажа, окна все заделаны мешками с песком, и почти из каждого окна пули сыплются.

— Так вот, сержант, командир дивизии приказал взять «языка» до 22 часов сегодня.

Я поглядел на часы. Было 17.00. Я взял с собой еще пять солдат из моего отделения, попросил, чтобы наша артиллерия 30 минут вела усиленный огонь по чердаку, четвертому и третьему этажу, а потом бы по первому. Командир пожелал нам успеха, мы залезли на крышу дома на другой стороне улицы, и тут я поведал солдатам свой план:

«...до голубого домика двигаемся по крыше, пока мы подойдем, наша артиллерия выкурит немцев с верхних этажей. Мы залезаем в дом через чердак, артиллерия ударяет по нижним этажам, немцы частью побегут в подвалы, часть наверх, и тут мы их и накроем. Возвращаться будем этим же путем».

Мы выкурили по сигаретке и пошли.

Шли цепочкой — метра два друг от друга, я впереди, остальные сзади.

Вот и крыша голубого дома, я ее заметил по трубе вроде буквы «Т». Наши тяжелые минометы еще вели огонь по крыше, но вдруг все стихло на минуту, и мы проскочили в пролом на крыше, бросили три гранаты на чердак. Чердак оказался пустым, только у одного слухового окна стоял пулемет, телефон и лежал убитый немец в форме фольксштурма.

Мы забрали его документы, пулемет и стали спускаться на четвертый этаж. Вошли в одну дверь, закрыли ее, двух разведчиков оставили наблюдать в замочную скважину за площадкой, а вчетвером прошлись по всем комнатам. Огонь нашей артиллерии стал стихать. Друг мы слышим, как кто-то поднимается вверх по лестнице.

Я посмотрел в замочную скважину — вижу, выходят на площадку три немца с пулеметом, постояли немного, подумали и направились к нашей двери. Мы все замерли и плотнее прижались к стене.

Как только немцы вошли, я крикнул: «Хенде хох!» — и три приклада обрушились на их головы. Двое наших разведчиков быстро выскочили на площадку и установили трофейный пулемет, а мы взялись приводить в чувство немцев.

Быстро обыскали их, приказали не кричать и повели на чердак. Там я оставил двоих солдат с пулеметом охранять лестницу, остальные вылезли с пленными на крышу. Через пятнадцать минут мы были у своих.

В 20.00 пленные были допрошены, а через час голубой дом был взят нашей пехотой. Вот все!»

Ермаков потащил меня к окну, чтобы показать этот дом. Я ничего не мог различить в ночи, в этом сером тумане, среди мрачных громад домов и гигантских нагромождений обломков. Но Ермаков видел, как он сказал: «Свой домик», потому что глаза у него были, как у настоящего разведчика, орлиные, серые, пронзительные, широко расставленные, с точечными острыми зрачками.

Вахтанг Чхеидзе, выслушав товарища, коротко вздохнул и начал рассказывать свой «эпизод». Чхеидзе в отличие от Ермакова был высокий, чуть сутулый и худой, с короткими черными усиками, похожий на горьковского Челкаша, только в грузинском варианте, говорил быстро, нараспев, и кавказский, гортанный его акцент как-то странно и даже мило звучал здесь, среди берлинских каменных трущоб.

Чхеидзе говорил:

«В полосе нашей дивизии, в тылу появились случаи нападения на склады, обозы. Прочесывание отдельных тыловых кварталов не давало результатов. Противник группами в 15—20 человек внезапно появлялся и так же внезапно скрывался.

Однажды вызывает меня и командира роты начальник штаба и говорит:

— Ты, Чхеидзе, человек с Кавказа, охотник, слух у тебя тонкий, а глаз острый. Вот тебе сутки срока и пять солдат в помощь. Ты должен найти место, где немцы к нам в тыл ходят.

Задача для меня была ясна, и мы удалились. Комроты по плану город показал, где чаще всего отмечаются нападения противника. Я посмотрел: справа улица с линией метро, слева тоже улица с линией метро, линии шли от противника к нам в тыл.

«Может быть, здесь проходят?» — подумал я, но тут же отбросил это предположение, вспомнив, что все станции охраняются. Приказ есть приказ. Во что бы то ни стало найти лазейку, через которую проходят немцы, и мы отправились. У каждого фонарь, автомат, гранаты.

Солнце уже садилось за высокие дома, когда мы, усталые, закончили осмотр всех подвалов и переулков в указанном районе. Я уже начал отчаиваться, но какое-то чувство мне говорило: «Ищи, ты близок к цели». И мы, стряхнув усталость, направились к станции метро в конце улицы.

Подшли к станции, нас окликнули из дома. Оказывается, это наши стерегли проход. Поговорил я с товарищами, но ничего утешительного не слышал от них. Говорят, что уже два дня сидят, а результата никакого нет. Все же я решил обследовать обе линии метро.

«Что же в конце концов, — подумал я, — немцы по воздуху, что ли, летают?»

Предупредил сержанта, что в случае какого шума внизу пусть вышлет мне человек пять своих бойцов. Спустились в станцию. Темно, тихо и, признаться, немного жутко. Спустились на рельсы, шли, прижимаясь к стене. Я запомнил время и теперь следил за часами: в тридцати минутах ходьбы — противник.

Прошло минут двадцать, когда у меня что-то загремело под ногами, все от неожиданности присели. Я слегка посветил фонариком: под ногами валялась немецкая каска. Мы принялись тщательно осматривать, что было вокруг.

Один разведчик нашел пять патронов от немецкого автомата, другой — свежий окурочек сигареты, а я отыскал между рельсами кровавый след, он тянулся от нашей станции к противнику.

Я принял решение идти по кровавому следу в сторону нашей станции.

Пройдя минут пять, мы остановились в нерешительности: след кончился.

Осмотрев все вокруг, обнаружили четыре прорезанных чехольчика от немецких индивидуальных пакетов, три окурка и больше ничего.

Я себя спрашиваю: куда же девался кровавый след? Значит, тут существует другой ход?

Еще раз осмотрели пол, стены и ничего подозрительного не обнаружили. Но вот мой взгляд остановился на двух больших решетках, находящихся на высоте человеческого роста.

Из-за решеток тянулся запах гари. Один боец предложил вырвать решетку и посмотреть, что находится за нею. Но особых усилий прилагать не пришлось, решетка при нажатии со скрипом открылась. Товарищи подсадили меня, и я оказался в трубе диаметром около полутора метров. Осмотрев ее, я чуть не вскрикнул от радости — кровавый след продолжался в трубе!

Я позвал своих товарищей, и через пять минут мы по трубе вышли в воронку, сделанную, видно, или специальным взрывом, или образованную от взрыва бомбы. Вот тут-то мы и увидели свежие следы немецких сапог.

— Значит, немцы были здесь, — сказал я себе.

Позавчера был дождь, и если бы эти следы были старые, их бы размыло.

Оставив засаду у воронки, я отправился с одним бойцом доложить о выполнении приказа. Начальник штаба при мне распорядился выделить взвод для засады. А утром в штаб привели двух пленных, они и подтвердили, что в метро был единственный проход, по которому немцы пробирались к нам в тыл. Из пятидесяти человек, которые в ту ночь направлялись в наш тыл, только эти двое и остались живы.

Так была разгадана немецкая хитрость», — закончил бывалый разведчик Чхеидзе.

На войне бывает так: о человеке ты знаешь мало или почти ничего, но самого человека уже знаешь хорошо, потому что увидел его в бою, в минуту яркой вспышки всех его нравственных сил. Сколько я пробыл рядом с Ермаковым и Чхеидзе? Час, два. Но мне уже казалось, что я никогда не забуду этих разведчиков.

...Начинался рассвет. Казалось, что сиреневый туман постепенно поднимается в небо, и в воздух всплывает силуэт огромного города, с островерхими, уцелевшими кое-где шпилями соборов, с полукружьем разрушенных мостов и близким, за несколько кварталов, шарообразным массивным куполом рейхстага, который предстояло в ближайшие часы штурмовать нашим солдатам.

ПАДЕНИЕ ШПАНДАУСКОЙ ЦИТАДЕЛИ

Противник прорвал кольцо окружения Берлина в районе Шпандау и пытался прорваться на запад и северо-запад...

*Из донесения в штаб фронта.
Архив 47 А*

Приближалось окончание битвы за Берлин, и волна нашего наступления катилась уже к берегам Хафеля и Эльбы. Это были последние дни апреля. Случайно по дороге к Эльбе, около города Кладова я впервые услышал о Шпандауской крепости, встретив «газик» седьмого отделения политотдела 47-й армии.

В машине рядом с инструктором отдела капитаном Пескановским сидел молодой немецкий лейтенант в фуражке с высокой тульей, из-под блестящего козырька которой поблескивали скорее удивленные, чем испуганные глаза, жадно осматривающие все вокруг. Офицер был при оружии, что само по себе казалось очень странным, и вообще держался не как пленный, а как парламентар, уверенный в своей безопасности.

Машина Пескановского шла от линии фронта к Берлину. Удивленный тем, что советский офицер катает немецкого в открытой машине вблизи района боев, я спросил Пескановского: кто находится рядом с ним?

— Офицер из Шпандауской крепости, там гарнизон Химической академии Гитлера не сдается, а этот... от них представитель... Зовут Альберт. Цацкаемся вот...— недовольно пробурчал Пескановский.

Я попросил капитана рассказать подробнее о Шпандауской цитадели, которая располагалась в северо-западном районе Берлина.

Пескановский сказал, что гарнизон Химической академии, имея приказ Гитлера не сдаваться, и запуганный, видимо, эсэсовцами, остался как бы единственным вражеским островком в почти совсем освобожденном городе. Нашему командованию ничего не стоило разбить артиллерией крепостные стены или разбомбить цитадель, но тогда пострадали бы раненные, мирные жители, сотрудники химических лабораторий, в числе их и женщины, которых было немало в крепости. Да и сами жители этого района Шпандау просили русских пощадить крепость и как-нибудь уговорить гарнизон сдаться без кровопролития и жертв.

— Мы по нашей МГУ¹ передавали призывы,— сказал Пескановский,— и письма в крепость пересылали от жителей-родственников,

¹ Мощная громкоговорящая установка.

даже сам бургомистр района написал письмо полковнику коменданту цитадели. И что же? Они эти письма принимали через амбразуры в стене, ворота крепости забаррикадированы и заминированы, но отвечали: гарнизону, мол, приказано держаться до последнего!

Заинтересованный этой историей, я, военный корреспондент Московского радио, сел в машину к Пескановскому и по дороге узнал, что же произошло в Шпандау.

После неудачи с вещанием и письмами к цитадели с особым ультиматумом был направлен антифашист, работавший в нашем штабе, переодетый в форму советского офицера, и вместе с ним майор Гришин и капитан Галл. Советское командование предлагало гарнизону сдать оружие и боевую технику и в этом случае гарантировало пленным жизнь и безопасность, даже сохранение орденов и знаков различия, а мирным жителям их имущества.

— Прекрасные условия, — резюмировал я.

— И учтите, — сказал Пескановский, — женщины Шпандау буквально умоляли нас склонить коменданта к сдаче и проявить максимум терпения и выдержки... Немецкий комендант, кстати, он австриец по рождению, и подполковник выслушали наших парламентариев, — продолжал Пескановский, — посоветовались, как водится, и заявили, что согласие на капитуляцию могут дать только все руководящие офицеры гарнизона, ибо согласно последнему приказу Гитлера комендант окруженного гарнизона пользуется своими правами начальника лишь до тех пор, пока он оказывает сопротивление противнику. А как только он принимает решение о капитуляции, любой имеет право его расстрелять и объявить себя комендантом.

— Чувствуется рука Гитлера! — сказал я.

Несколько часов назад немецкое радио передало о самоубийстве Гитлера. Но и мертвый Гитлер своими приказами продолжал убивать людей.

Нашим товарищам-парламентариям комендант ответил отказом. Тогда работники седьмого отдела связались по телефону с командным пунктом 132-й стрелковой дивизии, которая уже находилась далеко на западе. Трубку взял ее командир — Герой Советского Союза Иван Владимирович Соловьев.

Когда Пескановский заговорил о 132-й дивизии, я вспомнил ее полное наименование: «Бахмачско-Варшавская, дважды Краснознаменная, ордена Суворова». Само это наименование несло в себе отблеск славы, осененной многие соединения, воевавшие и под Москвой и на Волге, освобождавшие Варшаву и Берлин.

Иван Соловьев — командир дивизии — был примечателен личной храбростью, обаянием. Это был человек остроумный, веселый, добрый и душевно отзывчивый.

Соловьев, поговорив по телефону с майором Гришиным, приказал ему не волноваться и не торопиться, а подняться в цитадель и лично

поговорить с теми офицерами, которые не давали своего согласия на капитуляцию.

И вот капитан Галл вызвался вместе с майором Гришиным подняться в крепость по веревочной лестнице, которую спустили немцы с балкона третьего этажа. Иного пути в цитадель не было.

Впереди парламентаров полезли... немцы, «хозяева цитадели». Комендант первым, за ним майор Гришин, третьим Галл, четвертым подполковник немец.

Впоследствии капитан Галл рассказывал:

«Пока я поднимался по неудобной веревочной лестнице, видя как она изгибается под тяжестью тел немецкого коменданта и Гришина, я еще был весь во власти охватившего меня порыва и не предполагал, просто даже не думал о том, куда я попаду. Между тем я влезал прямо в крепостную тюрьму.

За дверь балкона мы попали в полутемную комнату, а пока шли по коридору, я заметил металлические дверцы камер. Это было одно из отделений внутренней тюрьмы, примыкавшей к наружной стене цитадели.

Здесь нас ввели в комнату, где находились военные чиновники в чине майоров и подполковников и несколько, судя по погонам, строевых офицеров. Если между ними и были эсэсовцы, то, во всяком случае, они не рискнули надеть черные мундиры.

— Господа,— обратился к ним комендант,— перед вами представители русского командования с предложением о капитуляции.

В комнате наступила зловещая тишина. Два десятка глаз, сумрачных, напряженных, более или менее откровенно враждебных, впились в нас. Что помешало бы нацистам, если бы они захотели застрелить нас в этой комнате?

— О положении в Берлине вы знаете, господа,— тусклым голосом продолжал комендант,— возможно, что война подходит к концу, но мы должны оставаться верными своему долгу и присяге. Весь гарнизон остается в цитадели, пока от Верховного командования немецкой армии не поступит общий приказ о капитуляции. Но я не препятствую желанию русских парламентаров сделать нам подобные разъяснения.

И комендант кивнул Галлу, приглашая его начать речь.

Галл обежал взглядом ряды стоящих перед ним немцев. И увидел замкнутые, словно бы покрытые каким-то серым налетом лица, в большинстве совсем немолодые. Почти у всех мятые, давно не чищенные мундиры. Сам комендант носил серые чулки, издали похожие на обмотки.

— Город падет с часу на час,— заявил Галл.— Сопrotивление гарнизона бессмысленно. Я хочу вам сообщить, что в освобожденных районах Берлина уже налаживается нормальная жизнь: открываются магазины, введены продовольственные карточки. Теперь о положении

в Шпандау. Наши войска, обтекая крепость, уже ушли далеко на запад. Взят Бранденбург, взят Кладов. Его гарнизон капитулировал. Один из его командиров, полковник, находится у нас в штабе, и вы могли бы с ним поговорить о положении на немецком фронте, которого, по сути дела, уже нет, он распадается.

Галл сделал паузу, хотел почуствовать, налаживается ли какой-нибудь контакт с «аудиторией». Он привык допрашивать захваченных гитлеровских офицеров, а не агитировать их, находясь в их же крепости. Как пробиться словам через наглухо застегнутые серые френчи к сердцу и разуму военных чиновников, запуганных эсэсовцами, одуревших от гитлеровских кровавых приказов, от неизвестности и страха перед ожидавшим их возмездием?

— Фюрер написал завещание, и теперь у нас есть президент, гроссадмирал Карл Дениц! — громко и отчетливо, должно быть, подбадривая себя звуками своего голоса, заявил комендант с упрямой верой в то, что власть, которой он привык подчиняться, не оставит его своими заботами.— Дениц находится сейчас в Плёне. Там есть радиостанция, и мы получили приказ.

— А какой же это приказ? — спросил майор Гришин.

Он-то знал, что Дениц призвал все части вермахта «продолжать борьбу против большевиков».

— Так какой же это приказ, господа? — после паузы повторил тот же вопрос капитан Галл.

Комендант уклонился от ответа. Конечно, он понимал, что по логике своей содержание этого приказа должно было поставить Шпандаускую цитадель под огонь русских пушек. Тех, кто продолжает борьбу, уничтожают.

— Война заканчивается в ближайшие же дни,— сказал немцам Гришин,— на что вы надеетесь, господа?

«Господа» молчали, потому что надеяться им было не на что, кроме как на человеколюбие русских воинов, пример этому они видели в том, как русские терпеливо беседовали с ними. Однако нацисты привыкли рассматривать всякую гуманность как слабость противника и решили, что могут еще «поторговаться».

— Мы должны подождать общего приказа о капитуляции,— заявил комендант,— не можем изменить своему долгу и присяге.

И в этот момент у него было лицо человека, боящегося выстрела в спину, если он произнесет хоть одно неосторожное слово.

После этого наши офицеры вынуждены были спуститься по веревочной лестнице и вернуться в расположение своих войск.

Гитлеровские военные химики оказались на редкость упорными. Что им было до возможных жертв мирного населения, раненых, если русские решат взять цитадель силой?!

Но и на этот раз полковник Соловьев не торопился. Он дал возможность немцам самим убедиться в положении на фронте, проявив поистине удивительное долготерпение.

Я бы вообще не поверил рассказу капитана Пескановского, если бы не сидел в тот момент в машине рядом с тем самым напыщенным лейтенантом, который осматривал линию фронта с разрешения нашего командования, как «посол» осажденного гарнизона цитадели.

— Куда вы его возили? — спросил я Пескановского.

Капитан махнул рукой, и широкий его жест, как бы охватывающий все видимое вокруг, вместе с тем выражал и недовольство человека, у которого отнимают дорогое время.

Я понял, что немецкий офицер сам увидел развал немецкого фронта западнее Берлина и убедился, что офицеры в нашем плену все находятся в добром здравии. Они-то и просили, между прочим, передать в Шпандау свой добрый совет: принять условия капитуляции, сложить оружие.

Мы подъехали к Шпандау, когда уже смеркалось. Лейтенант был благополучно доставлен в крепость, но строго предупрежден, что советское командование предоставляет немцам на размышление ночь, а утром к десяти часам ждет ответа.

Эту ночь я провел вблизи крепости в одном из домов, где еще недавно находился штаб дивизии Соловьева. Мне не спалось. Подходя к окну, я видел темные очертания островов на реке и озере, силуэты высоких каменных стен, за которыми скорее угадывались, чем просматривались смутные пятна внутрикрепостных строений. Все немецкие городские крепости, исключая, может быть, только старинные замки в горной Саксонии, в общем-то схожи грубой простотой своей казарменной архитектуры.

А на следующее утро комендант, носящий еще и звание профессора Военно-химической академии нацистов, в сопровождении своего помощника явился с белым флагом в расположение советских войск и заявил, что гарнизон цитадели принимает условия капитуляции.

Убедил ли своих офицеров лейтенант? Подействовал ли второй ультиматум? Как бы то ни было, то внутреннее единоборство между долгом и страхом, который испытывал нацистский комендант, закончилось в пользу страха и желания спасти свою шкуру. Комендант, видимо, пренебрег угрозами нацистов-эсэсовцев и приказами Деница, призывавшего «к продолжению борьбы».

Последняя в Германии крепость прекратила существование.

Здесь я хочу предоставить слово документу, копии подлинного донесения в штаб фронта бывшего начальника политотдела 47-й армии, тогда полковника, затем генерал-полковника М. Х. Калашника.

«...Сдача гарнизона цитадели была проведена точно по намеченному плану. Советским командованием были приняты все меры предосторожности: соединения 605 СП 132 СД были приведены

в боевую готовность, все бойцы и командиры были предупреждены о необходимости соблюдать полную корректность в отношении солдат и офицеров сдающегося гарнизона и быть настороже, чтобы не допустить возможной провокации, имеющей цель сорвать капитуляцию.

В назначенное время майор Гришин, капитан Галл, начальник штаба 605 СП с группой офицеров и бойцов вошли в цитадель и приняли от коменданта гарнизона по списку весь личный состав гарнизона, вооружение и имущество. Состав капитулирующего гарнизона следующий:

Офицеров и чиновников — 20, солдат — 211, рабочих и служащих химической лаборатории — 17, в лазарете — 107 человек (в том числе 31 человек персонала и 76 человек больных), также гражданского населения — свыше 100 человек.

Согласно условиям капитуляции гражданскому населению была предоставлена возможность по собственному желанию остаться в цитадели или уйти в лазарет. Врачебно-медицинский персонал был оставлен в цитадели. Так как при сдаче цитадели выяснилось, что в ней расположены химические лаборатории, разрабатывающие проблемы химической защиты (опробование и улучшение противогазов, дегазация, химический анализ отравляющих веществ и т. д.), при лаборатории были оставлены ее рабочие и служащие, а также военные чиновники, работающие в качестве научных руководителей — инженеров, химиков и лаборантов (всего было оставлено при лаборатории 42 человека).

Все остальные офицеры и солдаты были в порядке строем выведены из цитадели и направлены в лагерь для военнопленных, причем им сразу же было обеспечено горячее питание.

Нами приняты все меры для установления в цитадели порядка по всей территории, у входа в нее и в различных помещениях выставлены посты для охраны всего имущества и наблюдения за порядком*.

Так наши воины, проявив великодушные победителей и подлинный гуманизм, сохранили жизнь и имущество гитлеровских вояк Шпандауского гарнизона, а также сотням людей, проживающих в непосредственной близости от осажденной крепости.

Однако здесь еще рано ставить точку. Скорее — многоточие... Эта история для меня имеет несколько продолжений, связанных с судьбами ее героев. Одно из них по времени непосредственно примыкает к событиям мая сорок пятого года, поэтому с него я и начну.

На следующий день после капитуляции гарнизона Шпандау, а именно 1 мая, большая группа нацистов, решившаяся прорвать внутреннее кольцо окружения Берлина, сосредоточилась на узком участке фронта юго-восточнее Шпандау.

Здесь им удалось пробить брешь в кольце, а затем отряды противника с бронетранспортерами и танками начали продвигаться

в двух направлениях: Шпандау — Фалькенхаген и Шпандау — Зебург — Дебриц. Казалось, что определился и тактический замысел прорвавшейся группировки — добраться до Эльбы и там по возможности укрыться за спинами американских войск, которые уже выжили на рубеж этой реки.

Всего этого еще не знал комдив Соловьев, когда утром первого мая его вызвал к себе в город Бранденбург командир корпуса. Соловьев приехал в штаб корпуса на «газике», торопясь к назначенному часу. В доме, который занимал комкор, Соловьев застал начальство уже... за праздничным столом.

Он доложил, что прибыл, а комкор указал ему на стол и сказал: — Садись, бери стакан, выпьем за Первое мая и нашу Победу.

— В честь праздника выпить не грех. Но не сейчас. Я там оставил дивизию. — Соловьев махнул рукой на запад. На сердце его почему-то было неспокойно. Сейчас ему не хотелось усаживаться за стол с водкой и закуской, ибо с утра пить вообще не любил, к тому же это «сидение» могло и затянуться.

— Твоя дивизия не сирота, есть кому и без тебя скомандовать. Садись, комдив, — повторил командир корпуса.

Но Соловьев все же твердо отказался от завтрака, сославшись на срочные дела.

— Если нет указаний, то разрешите отбыть? — спросил Соловьев, все же недоумевая, зачем его вызвали в Бранденбург.

— Указание есть, — поднялся за столом начальник штаба, — твою дивизию переподчиняют нашему соседу, уходишь в другой корпус, и вызвали, чтобы попрощаться. Но если у нас не сидится, то поезжай, поезжай в свою единокровную...

— Да, поеду, — сказал Соловьев и, распрощавшись, сел в машину.

А когда он подъезжал к Шпандау, то еще издали услышал пулеметную трескотню, и первой его догадкой было предположение, что это ловят какую-нибудь банду нацистских головорезов, которые еще бродили в лесах, пытаясь взрывать мосты, нападать на наши обозы и госпитали. Но вскоре он понял, что это не облава, а бой где-то в районе Шпандау.

По счастью, он захватил с собой в машину рацию и радиста, с которым вообще редко расставался в дни наступления, и приказал ему связаться со штабом дивизии. Офицеры штаба тут же запросили у комдива огня и подкрепления, потому что немцы силами двух полков прорывались по шоссе прямо на запад.

— Все полки задействованы в наступлении, но я сейчас что-нибудь наскребу. Верну в Шпандау два батальона, а пока держите немцев. Там близко танковая бригада Шаргородского. Согласуйте действия, я еду к вам, — передал Соловьев по радио.

Он вытащил из планшета карту и по привычке промерил по ней расстояние пальцами, словно бы ощупывал своей рукой дороги, поселки, рощи и каналы, отделявшие его сейчас от места боя.

— Хорош бы я был, бросив дивизию. Как считаешь, Матвеев? Ох, хорош был бы, если бы остался выпивать в Бранденбурге! — сказал Соловьев, обращаясь к радисту, хотя и знал, что смущенный сержант Матвеев вряд ли что-либо ответит самокритично настроенному комдиву.

— Вот тебе и первомайский праздник! Война, она до последней секунды война!

— Точно, товарищ полковник, — выдохнул сержант. — Тут в Германии уши все время держи топориком!

Наступление прорвавшейся группы оказалось неожиданным и для той части штаба, что оставалась в Шпандау. Завязался жестокий бой.

И вначале штабным офицерам Соловьева было трудно разобраться в обстановке. Это всегда сложно, когда бой идет в большом городе, а тут еще немцы наступали со стороны нашего тыла. Но вскоре положение стало проясняться.

Немцы направляли свой удар в сторону крепости. Неподдалеку на шоссе их удерживали орудия армдивизиона. Но этого оказалось недостаточно. Выполняя приказ Соловьева, его офицеры попросили помощи у танкистов Шаргородского.

Танкам тяжело воевать на узких улицах, в каменных ущельях большого города, где они могут стать легкой добычей пушки, спрятанной в засаде, фаустника, огнемечика, стреляющего из окон второго или третьего этажа.

Но уже выбираясь на шоссе, танкисты начинают чувствовать себя лучше. Тут вступают в свои права скорость и сила давящих траков, и широкий обзор, и широкий сектор обстрела.

Танкисты Шаргородского и подоспевшие батальоны одного из полков дивизии Соловьева остановили, отбросили и рассеяли основную ударную силу прорвавшейся бронетанковой колонны нацистов. Лишь небольшие группки солдат продолжали просачиваться далее на запад.

Однако та настойчивость нацистов, с какой они стремились в сторону цитадели еще во время боя, весьма удивляла и Соловьева и Шаргородского. И лишь позже из показаний пленных они узнали о замысле нацистов — пробиться из Берлина в крепость, зайти за ее стены, соединиться с гарнизоном, пополнить свои запасы оружием, боеприпасами и горючим для танков.

Ведь немцы не знали, что крепость уже сдалась. А если бы капитуляция задержалась? Если бы наши офицеры не проявили столько мужества и терпения, добиваясь падения крепости без выстрела и пролитой крови? То тогда кровь бы пролилась наверняка. И победа в Шпандау была бы добыта дорогой ценой.

Можно себе представить удивление гитлеровцев, когда вместо «помощи» из-за стен Шпандауской крепости по прорвавшимся частям берлинского гарнизона ударили наши орудия!

Под их грохот и закончилась, на этот раз уж окончательно, примечательная история крепости Шпандау.

Отгремели последние залпы второй мировой войны. Командир 132-й дивизии Герой Советского Союза, теперь уже генерал Соловьев спустя некоторое время вернулся в Ленинград, в котором провел свою юность, работал на заводе, учился, ушел впервые в Красную Армию служить в пограничные войска.

От заставы до дивизии. И от дивизии до управления Ленинградской милиции, начальником которой стал Иван Владимирович,— вот кратко, по-военному, веки его ратного пути.

Вернувшись из действующей армии, генерал Соловьев пришел на другой, боевой и «действующий фронт», он только сменил цвет своей шинели.

Его работа в милиции — это уже иная тема. И сам он хорошо написал об этом в книге, которая называется «Будни милиции». Будни эти затянулись лет на двадцать. Но... стало сдавать сердце, и генерал-лейтенант Соловьев ушел в запас.

Впрочем, этот официальный термин выражает применительно к Ивану Владимировичу лишь то, что запас сил, энергии и душевной страсти у него был еще не мал, а поэтому стала еще более обширной его лекторская, общественная, литературная деятельность.

Однако «старый солдат», как любит он себя называть, порой надевал парадный мундир с Золотой Звездой и всеми орденами, и не только в дни торжеств и праздников.

По приглашению польского правительства с группой прославленных военачальников Иван Владимирович посетил Варшаву. Он был дорогим гостем столицы, потому что именно его дивизия в ожесточенных боях освобождала Варшаву по пути в Германию, к Берлину и Шпандау.

Социалистическая Польша с любовью встречала героев былой войны. Есть события, которые не меркнут в народной памяти, они навсегда остаются в героической летописи истории. Я с интересом слушал в Москве рассказы Ивана Владимировича, ныне, к сожалению, уже покойного, об этой поездке, о новой Польше, о возрожденной из пепла красавице Варшаве. Но, право, я не предполагал тогда, что через некоторое время увижу у себя дома еще одного живого и здравствующего участника боев в Шпандау.

Я увидел перед собой бывшего капитана Галла. Как ни странно, он мало изменился. Видимо, два десятка лет — не такой уж большой срок. Такой же подвижный, порывистый, годы не утяжелили его походки, не изменили артикуляции речи, немного торопливой, юношески запальчивой. И те же живые темные глаза, в которых светится желание быть искренним и всячески полезным во всем, что от него зависит.

Но мне-то, собственно, ничего не надо, кроме дружеской беседы, согретой военными воспоминаниями. Тогда, в дни боев, не было ни времени, ни повода поговорить о довоенной поре учебы, и поэтому только сейчас я узнал, что Владимир Галл окончил Московский институт истории, философии и литературы и, подобно многим юношам сороковых годов, со студенческой скамьи ушел на войну.

Ныне он сам учит студентов немецкому языку. Капитан Галл стал педагогом в одном из наших институтов.

Он пришел ко мне на следующий день после своего возвращения из ГДР, куда ездил на конгресс по приглашению Общества германосоветской дружбы. В новой Германии не забыли капитана-парламентера, так много сделавшего, чтобы избежать напрасного кровопролития в Шпандау.

— Саму крепость, вы, конечно, не видели? — спросил я.

— Нет, конечно, она ведь сейчас в Западном Берлине, — сказал Галл.

— Да, к сожалению, в Западном.

И я снова вспомнил Шпандау — серые, мрачные стены и башни на берегах реки Хафель. Тюремный замок высится и по сей день зловещим микрогородом внутри большого жилого района. Сразу же после войны, в сорок пятом, крепость превратилась в тюрьму для нацистских преступников. Правда, большинство из них просидели здесь недолго. Десять лет находился в одной из камер осужденный Нюрнбергским трибуналом гроссадмирал Карл Дениц, преемник Гитлера на посту президента уже разгромленного третьего рейха.

Дениц вышел на свободу, получал большую пенсию, писал мемуары, совершал увеселительные прогулки за границу, например в Италию, как об этом сообщали газеты.

В тюрьме Шпандау шестьсот камер. После войны они все были заполнены. Теперь в Шпандау остался только один узник — это бывший «заместитель фюрера» Рудольф Гесс, приговоренный к пожизненному заключению. Западногерманская пресса вела кампанию за освобождение и этого «теперь уже безвредного старика, ради которого не стоит, мол, содержать тюрьму, охраняемую солдатами четырех стран-победительниц».

Да, крепость Шпандау находится в Западном Берлине. Но ведь вокруг нее живут люди с острой памятью о войне. Они не забыли ее уроков. Не должны забывать!

ЕГО ПОМНЯТ В БЕРЛИНЕ

Этот пятиэтажный серый дом стоит на Инзельштрассе, в центре Берлина, в районе Митте. Короткая улочка одним концом выходит к облицованному бетоном Шпрееканалу, а другим на небольшую

площадь, где ныне находится станция метро, которая называется «Маркишгенмузей».

Тихий, скромный, малолюдный уголок Берлина. Жилые дома, учреждения. Теперь этот дом носит номер 13-а, в сорок пятом это был дом номер 3. На той же стороне, ближе к каналу, массивное красное здание бывшего девичьего пансионата, сейчас жилой дом, напротив — школа для глухих детей, чуть ближе к метро — районное отделение банка.

Я убедился в том, что сейчас об этой улице мало кто знает в столице ГДР, она ничем не примечательна. В очередной свой приезд в Берлин я несколько раз прошагал из конца в конец Инзельштрассе с приятным и томительным стеснением в груди, ходил, вглядываясь в каждый дом, в каждый подъезд, и чуть ли не в каждый камень и ... сравнивал, соотносил, вспоминал... В доме № 3 по Инзельштрассе в дни боев за Берлин и первые месяцы после окончания войны находилась, жила, активно действовала советская военная комендатура района Митте.

Наверно, с теми же чувствами и, быть может, с еще большим волнением не раз после войны гулял по Инзельштрассе Александр Леонтьевич Угрюмов, профессор одного из московских вузов, в конце войны — подполковник и заместитель коменданта района Митте по политической части. Это именно он работал на первом этаже в служебном помещении комендатуры, и стол его стоял в том самом помещении, где сейчас находится продуктовый магазин, и жители Инзельштрассе и близко расположенных улиц покупают здесь расфасованный сыр, масло, молоко, колбасы, яйца и многое другое.

Стол Угрюмова, за которым он принимал посетителей, находился примерно на том месте, где сейчас кассы выбивают чеки, но угловая стеклянная дверь, которая мне почему-то четко запомнилась, сейчас заделана бетонной стеной, вход же в магазин с площади от метро и с улицы Инзельштрассе.

В дни штурма Берлина и еще несколько дней после окончания войны я был гостем подполковника Угрюмова.

Не один час провел я в комендатуре, около служебного стола Александра Леонтьевича, видел его склоненную над бумагами уже и тогда лысеющую, благородной лепки голову, большой лоб и густые брови.

Угрюмов в ту пору, и пока еще шли бои и в первые недели после их окончания, обычно принимал с восьми утра, и к полудню его стол был уже завален бумагами, заявлениями и жалобами, требующими немедленного рассмотрения. Частенько я сидел около его стола с раскрытым блокнотом. Посетителям не было конца. Одни окружали Угрюмова, другие занимали стулья, расставленные вдоль стен, третьи еще стояли под окном на улице. С чем только не приходили в эти первые дни после капитуляции в советскую комендатуру!

Кстати говоря, на главной и самой популярной улице Берлина, на Унтер-ден-Линден, в монументальном здании музея немецкой истории и рабочего революционного движения, музея, который ежедневно посещают тысячи людей, я однажды обнаружил примечательный фотодокумент, и теперь, всякий раз приезжая в столицу ГДР, я прихожу в музей, чтобы вновь посмотреть на эту фотографию.

Есть такие памятные снимки времен войны, которые в свое время обошли все газеты мира. Их широкая популярность и сила художественного воздействия объясняются тем, что снимки удачно фиксируют те самые ключевые, выхваченные из жизни эпизоды, которые волновали тогда, продолжают волновать и ныне миллионы людей.

К числу таких популярных в ГДР фотоснимков относится и этот, изображающий служебное помещение советской военной комендатуры в районе Митте, о которой я сейчас пишу, и тот самый стол, и подполковника, сидящего за ним, офицера справа и сержанта слева от него, а впереди, видимо, только что поднявшегося со стула — для рукопожатия, человека в штатском костюме, худого, с изможденным лицом и глазами, полными живого блеска.

Подпись под фотографией гласит, что здесь, в комендатуре одного из районов Берлина, в дни мая сорок пятого происходит дружеская беседа советского коменданта с антифашистом, впервые назначаемым на пост бургомистра.

К сожалению, я полагаю, просто в силу неполной осведомленности работников музея, в этой объяснительной надписи нет более подробной расшифровки, не названы район Митте и имя советского коменданта, а точнее, заместителя коменданта по политической части, а именно подполковника Александра Леонтьевича Угрюмова. Первым комендантом Берлин-Митте был полковник Василий Николаевич Гнедин, а офицер, стоявший справа на снимке, — капитан Александр Матвеевич Котляров.

Май месяц, и поток посетителей у стола подполковника Угрюмова.

Вот пришел хозяин маленькой мастерской по ремонту велосипедов и просил разрешения начать работу.

— Ради бога, господин Шульц! Сначала мы наладим велосипедный транспорт, как наиболее легкий, затем автомобильный, потом метро. Одним словом, очень хорошо! — сказал Угрюмов с улыбкой.

Хозяин парикмахерской хотел было приобрести необходимые ему инструменты, но где их взять? Не поможет ли герр комендант советом?

Но «герр комендант» мог только посоветовать энергично поискать эти инструменты самому господину парикмахеру и заверить его, что Берлину нужны и парикмахерские, и пошивочные ателье, и магазины.

Владелец транспортной конторы, у которого нацисты реквизировали все машины, интересовался, сможет ли он получить кредит у советской администрации? Это был вопрос более сложный, и он не

мог быть решен районным комендантом. Угрюмов, сняв трубку, позвонил коменданту Берлина, генерал-полковнику Берзарину.

— Могу ли я считать себя хозяином? — спросил владелец конторы.

— А почему же! Мы освободили вас от фашистов, но не от частной собственности. Я хочу сказать, — пояснил Угрюмов, — что эти проблемы вольно решать только демократическое правительство самого немецкого народа.

Этот полный человек с румяными, как у мальчика, щеками вытер пот со лба — он, должно быть, волновался — и ушел, как показалось мне, выражая своим взглядом умильную благодарность, которая одновременно была настояна и на тупом недоумении. Он еще ничего не понимал в том, что происходит в Германии.

Пришла группа женщин-беженок, они покинули Берлин во время сражения, сейчас вернулись, но дом, где они жили, разрушен бомбами. Что делать?

Угрюмов задумался:

— Потесните соседей в целых зданиях.

— А если не пустят?

— Как? Свои же сограждане! Надо ведь выручать друг друга в беде!

Александр Леонтьевич распорядился и направил вместе с этими женщинами сержанта — сотрудника комендатуры. Иной раз пробуждению благородных чувств у берлинцев весьма способствовало решительное выражение лица советского солдата, даже если он молча появлялся в домах и при переговорах соседей не произносил ни слова. Уплотнение происходило быстро. Жители, обретавшие кров и крышу, благодарили «герр коменданта».

И снова поток посетителей: актеры, желающие начать работу, и как можно скорее, учителя, интересующиеся, скоро ли откроются школы, пенсионеры — по поводу продуктовых карточек, владельцы магазинов, и среди них такие, кому непременно надо ехать за товарами в зоны, занятые союзниками.

— Подумаем, — говорил им Угрюмов и помечал у себя в блокноте: надо выяснить у работников «Смерша», нет ли среди торговцев военных преступников, попросту пытающихся удрать подальше, на Запад.

Сотни дел, множество забот! Александр Леонтьевич не мог, конечно, сразу определить политическую физиономию каждого, кто входил в дом на Инзельштрассе, 3, но зато их лучше знали уцелевшие в тюрьмах и лагерях немцы — антифашисты, рабочие, немецкие коммунисты.

Это из них в первые же дни составилось ядро деятельного актива комендатуры.

Александр Леонтьевич посетовал мне тогда на особые трудности работы в районе Митте.

— Почему? — спросил я.

— А какой это район! Географический центр Берлина, — не без гордости произнес он. — Район бывших центральных правительственных учреждений. Кто здесь жил: матере нацисты, высокопоставленные чиновники, не все они удрали на Запад. Здесь и Кроль-опера и университет, следовательно, люди искусства, ученые. Надо нам воспитывать интеллигенцию, которая до недавней поры служила Гитлеру. И, наконец, — добавил Угрюмов, — ни один район в Берлине так долго и яростно не бомбила с воздуха наша и союзная авиация. Когда я хожу по своему району, мне кажется: тут месяцами бушевало гигантское землетрясение. И оно сметало все на своем пути!

Угрюмов ушел на фронт в первые же дни войны. До войны он, молодой ученый, член партии с 1925 года, преподавал диалектический материализм в одном из вузов столицы. Из стен этого института Александр Леонтьевич и шагнул в ряды 5-й добровольческой ополченческой дивизии Фрунзенского района Москвы. Это была одна из двенадцати стрелковых дивизий, сформированных в начале войны по призыву партии. Более 120 тысяч москвичей встало под ружье — люди самых разных возрастов и профессий, поистине народное ополчение, одухотворенное высоким патриотическим порывом.

В дни празднования тридцатилетия Победы я взял у Александра Леонтьевича себе на память один из экземпляров многотиражной газеты «Советский студент», выходящей в Московском педагогическом институте иностранных языков имени Мориса Тореза, где вот уже много лет и по сей день работает профессор Угрюмов. Здесь были опубликованы его воспоминания. Одно из них называется «От Москвы до Берлина». Так измеряется боевой путь ополченцев 5-й Фрунзенской дивизии. Я позволю себе привести коротенькие цитаты, порою суходеловые, порою эмоционально окрашенные, но и в том и в другом случае запечатлевшие факты, имена и примечательные приметы тех, уже ушедших в историю дней. Они мне кажутся важными еще и потому, что выражают душевное состояние ополченца Угрюмова и его товарищей, накал чувств, горение сердец, готовых к любым испытаниям во имя Родины.

«... 3 и 4 июля в районе прошли массовые митинги трудящихся, и началась запись добровольцев в ополчение. В первый же день было подано 4500 заявлений с просьбой о зачислении в ряды народного ополчения. Наибольшее число заявлений поступило на заводе «Каучук», комбинате «Красная Роза», Инструментальном заводе № 6, строительстве Дворца Советов, в 1-м и 2-м Медицинских институтах, Госпединституте имени Ленина, Институте иностранных языков.

Командиром дивизии был назначен генерал-майор И. А. Пресняков, военкомом — бригадный комиссар А. Н. Андропов, начальником

штаба — полковник А. С. Самойлов. Начальником политотдела этой дивизии стал старший батальонный комиссар А. Л. Угрюмов.

История ополченческих дивизий — особая глава войны. Я бы добавил еще, что и недостаточно пока разработанная и не отраженная во всем своем значении в нашей мемуарной литературе.

Вспоминая тех, кто отдал свои жизни в боях под Москвой и на всем дальнейшем пути дивизии, Александр Леонтьевич писал:

«Сердца погибших горели огнем, чище и ярче которого не бывает на свете. Огнем верности Родине, партии, коммунизму!»

Хорошо сказано об ополченцах. Горячо и взволнованно. Есть в этих чувствах отблеск и того огня, той веры и силы, которые жили и в сердце коммуниста, комиссара Угрюмова, прошедшего долгих четыре года войны. Дивизия, в которой он начинал службу, из ополченческой превратилась в 113-ю кадровую.

За бои под Москвой Александр Угрюмов и получил свою первую боевую награду — орден Красной Звезды.

О битве под Москвой я знаю не понаслышке, не из литературы. Как раз в те декабрьские дни, когда части 33-й армии действовали на Наро-Фоминском направлении, южнее километров на сто во втором эшелоне 10-й армии, наступавшей на крайнем левом фланге Западнотого фронта, по заснеженным дорогам продвигались и машины той армейской газеты, в которой я служил в то время.

Помню морозный, вьюжный день тридцать первого декабря, канун Нового года, который мы встретили в освобожденном Козельске. Город, почти весь сожженный немцами, лежал под снегом. Сугробы доходили до окон уцелевших домиков, и невысокий Козельск стал словно бы вдвое ниже ростом.

Город Козельск! Так же примерно выглядели в те дни и Наро-Фоминск и Боровск. И это подтвердил Александр Леонтьевич. Больно было смотреть на эти пепелища, на воронки от бомб, на не убранные еще трупы, на остовы русских печей, они торчали, как огромные обугленные пальцы. Всюду валялась брошенная, разбитая фашистская техника — машины, повозки, танки. Запомнилась самоходная пушка, ствол которой, разорвавшись, стал похож на черный распустившийся цветок. И повсеместный смрадный запах гари, грязи и запустения.

С трудом мы отыскиали себе подходящий домик, где могла бы разместиться наша оперативная группа редакции. Здесь же, в Козельске, мы отпраздновали новогоднюю ночь, с радостью узнав, что 30 декабря нашими была взята Калуга. Правда, немецкие самолеты, прилетевшие ночью бомбить город, испортили нам новогоднее застолье, выгнали нас на мороз в какой-то подвал, где можно было укрыться от осколков, а в дом, где мы находились еще несколько минут назад, попала бомба.

Я спросил у Александра Леонтьевича, как он встретил 1942 год.

— Это трудно точно вспомнить, но, по-моему, за праздничный стол мне сесть не удалось, — сказал он. — Та часть, в которой я находился как инструктор Поарма, двигалась по дорогам. Мы ведь в те дни наступали на Боровск. Вели ночные бои. Ну, а днем я находился вместе с воинами в боевых порядках, помогая политработникам батальона, полков во всей их многотрудной работе.

— А радио удалось хоть послушать? Новогоднее приветствие правительства?

— Нет. Я заскочил по делам и в нашу редакцию армейской газеты. Там был приемник. Ровно в семь вечера передавалась, как обычно, сводка Информбюро. Наши части освободили села Иклинское, Денисово, Ново- и Старо-Михайловское, Комлево. Они попали в сводку. Ну, а потом ушел в полк. Одно помнится отчетливо. На душе было радостное настроение, духоподъемное. Начинался новый, сорок второй год.

— Год больших испытаний, — сказал я. — Не меньших, чем в сорок первом. Прорыв немцев на юг, на Дон, на Кавказ, Сталинград!

— Да, но мы этого не знали в ту пору, — заметил Угрюмов, — а вера в победу уже и тогда крепла с каждым днем.

— Наше дело было — донести эту веру до души каждого воина. Политработа в боевых условиях, мне кажется, сродни службе переливания крови для нравственного здоровья людей, для исполнения своего долга...

Я часто думаю о том, что путь каждой дивизии, армии по дорогам войны — это не просто стрелы на оперативных картах, не просто заштрихованные полосы оборонительных рубежей или же направление главных ударов. Это ведь еще и по большей части ненаписанные документальные повествования о мужестве, стойкости и героизме, о судьбах людей.

Я видел недавно дома у Александра Леонтьевича красную коробочку, в которой он хранит свои семь орденов и тринадцать медалей. А ведь каждая награда имеет, так сказать, «фронтовую прописку» и связана с определенным этапом боевой судьбы.

Участвуя во многих боях, пройдя через всю войну, в самом конце ее Угрюмов очутился в Берлине, и с апреля сорок пятого он работает в комендатуре. Седьмой свой орден — Великой Отечественной войны I степени — он получает именно здесь, в районе Берлин-Митте.

* * *

Это произошло в первые дни сорок пятого. Чуть позже того памятного дня второго мая, когда Угрюмов очутился около имперской канцелярии. Квартал, который занимало это здание, находился в районе Митте.

Машина Угрюмова долго пробиралась через проходы в баррикадах и завалы, через воронки от снарядов. Кое-где ее приходилось проталкивать на руках, пока наконец машина не приблизилась к длинному серому зданию с плоскими колоннами, выдержанному в стиле тяжелой монументальности.

Угрюмов вместе с немецким обер-лейтенантом Келлером спустился в бункер — подземелье имперской канцелярии, в ту ее часть, где находился подземный госпиталь. Их встретил комендант имперской канцелярии Платонов. Он вызвал главного хирурга госпиталя Хаазе, обер-штурмфюрера, и тот доложил коменданту Митте о том, кто находится в этом госпитале. Это были в большинстве своем эсэсовцы из охраны Гитлера, его ближайшие сподвижники, по приказу или по своей воле решившие разделить с фюрером его судьбу. Ранения они получили от осколков снарядов, бомб и мин, которые разрывались во двореке имперской канцелярии.

Там же, в комнатах и коридорах этого подземного убежища, Угрюмов увидел много брошенных чемоданов, набитых личными вещами. Иные эсэсовцы пытались в те дни удрать из бункера, перейти линию фронта, добраться до англичан или американцев.

Угрюмов вместе с Келлером собрал эти чемоданы, отправил их затем в штаб 5-й ударной армии. На груде чемоданов Угрюмов увидел кем-то брошенное кожаное пальто и обнаружил в одном из его карманов записную книжку. Внимательно ее просмотрев, Угрюмов понял, что в его руках записная книжка Мартина Бормана, заместителя Гитлера по нацистской партии.

Судьба Бормана, о которой в свое время много писали, теперь известна. Он пытался бежать из Берлина из имперской канцелярии на запад, пробирался из бункера подземными ходами, но уже на поверхности попал под обстрел и был убит. Труп его закопали в землю. Спустя много лет на месте бывших развалин был обнаружен скелет Бормана и опознан. С той поры и прекратились его поиски в странах Латинской Америки.

Ну, а тогда, второго мая, никто, конечно, не знал об этом. Ничего о судьбе Бормана не знал и Угрюмов, но, понимая, как ценна и интересна эта его находка, он передал записную книжку Бормана члену Военного совета 5-й ударной армии генерал-лейтенанту Бокову. Но представляющие интерес записи он перенес в свой блокнот.

В те дни был найден среди многих других и еще один примечательный документ. О нем стоит рассказать.

Это обнаруженное Угрюмовым в одной из квартир на Штеттинштрассе вставленное в зеркальную рамку письмо некоего обер-лейтенанта Альберта Неймгена, адресованное дяде — хозяину квартиры. Вот дословный перевод этого письма:

«Подмосковье, ноябрь 1941 г. Дорогой дядюшка! Я не могу в эти минуты не вспомнить тебя и своего обещания тебе. Десять минут тому

назад я вернулся из штаба нашей гренадерской дивизии, куда возил приказ командира корпуса о последнем наступлении на Москву. Через два часа это наступление начнется. Я видел тяжелые пушки, которые к вечеру будут обстреливать Кремль. Я видел полк наших гренадеров, которые должны первыми пройти по Красной площади у могилы их Ленина... Это конец, дядюшка. Ты знаешь, я не восторженный юноша и не горячий невежда. Это конец. Москва наша. Россия наша. Европа наша. Тороплюсь. Зовет начальник штаба. Утром напишу из Москвы и опишу тебе, как выглядит эта прелестная азиатская столица».

Ах, как поторопился со своим письмом обер-лейтенант Альберт Неймген! Не довелось ему обрадовать своего дядюшку описанием Москвы. Может, этот «последний бой» оказался последним для него самого и его прикончила пуля именно здесь, в снегах Подмосковья, или в другом месте, может быть, и в самом Берлине. А если он и остался жив и увидел свое обрамленное письмо в дядюшкиной квартире, то с какими мыслями он думал тогда о подлинном «конце», о котором столь красноречиво свидетельствуют краткие, но от этого не менее выразительные записки в дневнике Мартина Бормана, помещенные апрелем сорок пятого. Вот эти заметки:

«Понедельник, 16 апреля. Большие бои на Одере.

Пятница, 20 апреля. День рождения фюрера. К сожалению, установка как раз не для рождения.

Суббота, 21 апреля. Начало артиллерийского огня по Берлину.

Воскресенье, 22 апреля. Фюрер остается в Берлине.

Среда, 25 апреля. Берлин окружен.

Пятница, 27 апреля. Наша рейхсканцелярия превращена в развалины.

Воскресенье, 29 апреля. День начался бешеным артиллерийским огнем. Венчание Адольфа Гитлера и Евы Браун. Предатели генералы оставляют нас большевикам.

Понедельник, 30 апреля. Снова бешеный огонь. А Гитлер и Ева Браун мертвые.

Вторник, 1 мая. Попытка прорваться!»

Это была последняя запись в дневнике Бормана. Второпях он, видно, не успел уничтожить свой дневник. Надо ли его комментировать!

Александр Леонтьевич Угрюмов сказал мне:

«Таков был финал «покорителей» Москвы, России, Европы». Слова эти трудно определить одной какой-либо интонацией, звучанием, краской. Это чувство вбирало в себя все то, что было увидено, пережито, перечувствовано за все годы войны. Оно вбирало и личную судьбу комиссара Угрюмова, которому вот уж поистине посчастливилось стать непосредственным участником тех исторических событий весной сорок пятого, определивших судьбу мира, судьбу человечества.

Александра Леонтьевича Угрюмова помнят в Берлине наших дней. Помнят так же, как и всех активных участников первых дней, месяцев и лет рождения новой, социалистической республики. В дни празднования 30-летия Победы, весной семьдесят пятого года, Угрюмов был приглашен в ГДР в составе делегации советских ветеранов. В нее вошли по преимуществу люди, тесно связанные с возрождением города, в разные годы поработавшие в Берлине и немало сделавшие для развития экономики, культуры и науки страны.

Возглавлял делегацию генерал Сергей Тюльпанов. С сорок пятом он руководил в советской военной администрации отделом культуры и образования, ныне Тюльпанов — профессор Ленинградского университета.

Всякий раз, когда я бываю в гостях у Александра Леонтьевича, мы вспоминаем о многом, и об этой поездке в ГДР, естественно, после войны для Угрюмова не единственной и, хочется надеяться, не последней.

Мы сидим обычно около рабочего стола Угрюмова, заваленного рукописями и книгами. Признаться, мне всегда приятно посмотреть в доброе лицо Александра Леонтьевича, еще более помягчвшее с годами, слушать его негромкий голос, уплывать вместе с ним в давние и вместе с тем, казалось бы, недавние времена, погружаться в дорогие нам обоим воспоминания, всякий раз находя в запасниках нашей памяти какие-то новые детали тех героических лет, поистине «звездного часа» военной судьбы комиссара Угрюмова.

Александр Леонтьевич рассказывал мне, что их делегацию принимал один из секретарей Центрального Комитета СЕПГ. Затем с ними встретился министр высшего образования ГДР Ганс Иохим Бемме, вручил многим ветеранам, в том числе и Угрюмову, почетный диплом «За заслуги в развитии культуры республики».

В те дни состоялся прием у ректора Берлинского университета Карла Ганца Васберга, здесь не забыли, как военная администрация в сорок пятом помогала восстанавливать старинное здание.

Угрюмов вспоминал многое: и свои беседы со студентами, и то, как группа ветеранов вместе с молодежью снималась у Бранденбургских ворот на фоне знаменитой квадриги лошадей, по вечерам освещенной яркими лучами прожекторов. У ветеранов — седые головы, но каким праздничным светом горели тогда их глаза! Вспоминалось и хорошее, и печальное, и трагическое, что никогда не уходит из сердца.

Например, посещение музея бывшего концлагеря под Берлином — Заксенхаузена. Лагерь считался центральным в гитлеровском рейхе, здесь непрерывно работал конвейер смерти.

В сорок пятом Угрюмов не раз ездил сюда по делам комендатуры, надо было познакомиться с архивами Заксенхаузена, ведь многие из посетителей комендатуры находились здесь в заключении.

Линия железной дороги подходила к самым воротам Заксенхаузена. Поражали железные створки дверей ворот с подъемным механизмом. Они автоматически поднимались и опускались вместе с надписью заглавными буквами: «Труд делает свободным!»

Какое кощунство могло соединить понятие свободы с каторжным трудом в фашистском застенке! Угрюмов не раз думал об этом. Поистине они должны были быть желчными, эти большие навесные буквы на воротах, для того чтобы выдержать тяжесть этой лжи!

Делегация ветеранов совершила и поездку по республике. Состоялось много встреч и выступлений — в рабочих коллективах, на заводах и стройках, в научных и культурных учреждениях, среди молодежи. Это был доподлинный праздник всей страны, праздник для ветеранов, и в том, что поездка продолжалась десять дней начиная с двадцать первого апреля, просматривалась своего рода символика. Ведь в сорок пятом именно двадцать первого нашей войска ворвались в город, и ровно десять дней шла битва за Берлин.

Встреча через тридцать лет! Были среди них удивительные, волнующие. Так, например, Александр Леонтьевич неожиданно на одном из приемов в бургомистрате встретил того самого Эрнста Келлера, бывшего обер-лейтенанта нацистской армии, с которым вошел в здание имперской канцелярии, спустился в «Гитлер-бункер» и нашел там записную книжку Бормана.

История Келлера и необычна и в чем-то даже типична для определенных слоев немецкой молодежи, одурманенной гитлеровской пропагандой. Келлер попал в плен и там под влиянием событий на фронте изменил свои убеждения, стал членом антифашистского комитета, возглавляемого в годы войны пленным фельдмаршалом Паулюсом. В подземелье имперской канцелярии он опускался уже как убежденный противник гитлеровского режима.

В майские дни сорок пятого Эрнст Келлер был рекомендован Угрюмовым для руководства районным отделением почты и полностью оправдал доверие советской военной администрации. И через тридцать лет Келлер оставался все еще директором почты Берлин-Митте, до ухода на пенсию.

Угрюмов и Келлер узнали друг друга на приеме, хотя, естественно, изменились за тридцать лет. Александр Леонтьевич вспоминал, как Келлер пригласил его к себе на дачу, заехал за ним на своей машине. И они провели чудесный вечер воспоминаний.

Александр Леонтьевич сказал мне:

— Келлер выглядел прекрасно для своих шестидесяти пяти — это пенсионный рубеж в ГДР. Был подтянут, на вид здоров, спортивен, и было видно, что живет он хорошо. Что ж! Я искренне рад за него. И полагаю, что тут есть и какая-то заслуга и нашей районной комендатуры. А если посмотреть широко, так и всего советского народа...

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Зееловские высоты	3
Разведчики в Берлине	8
Его помнят в Берлине	37

Анатолий Михайлович МЕДНИКОВ

ЗЕЕЛОВСКИЕ ВЫСОТЫ

Редактор **М. М. Жигалова**

Технический редактор **О. Н. Ласточкина**

Сдано в набор 12.03.85. Подписано к печати 08.05.85. А 00358. Формат 70×108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,09. Усл. кр.-отт. 2,28. Тираж 85000. Изд. № 1113. Зак. № 441. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

● Страхование от несчастных случаев обеспечивает застрахованным получение материальной помощи при наступлении в их жизни неблагоприятных событий, предусмотренных правилами страхования. По договорам этого вида страхования выплачивается частично или полностью страховая сумма за последствия несчастных случаев, происшедших на производстве или в быту.

● Договоры страхования от несчастных случаев заключаются на срок от одного года до пяти лет. Взнос за весь срок страхования уплачивается единовременно.

Уважаемые товарищи!

Подробно ознакомиться с условиями страхования от несчастных случаев и заключить договор можно у страхового агента, обслуживающего вас по месту работы или жительства, а также в инспекции Госстраха.

ГОССТРАХ РСФСР